

# АРХЕОЛОГИЯ СССР

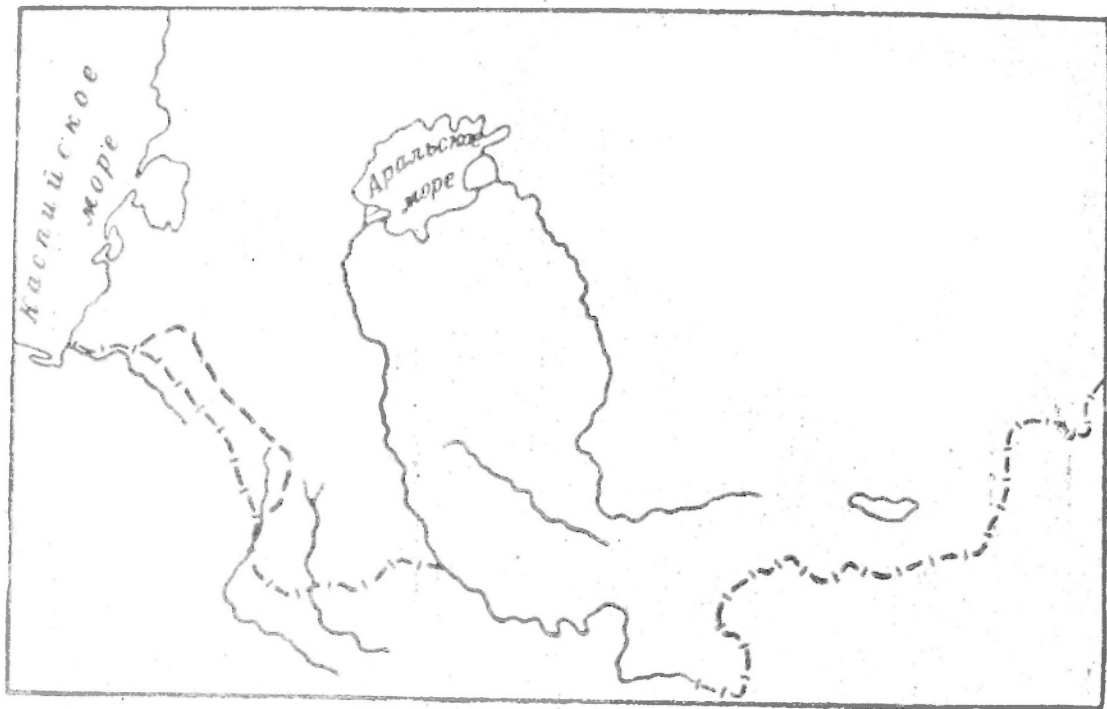
СВОД  
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ  
ИСТОЧНИКОВ

ВЫПУСК

Б 3-8

*В. М. МАССОН*

ЭНЕОЛИТ ЮЖНЫХ ОБЛАСТЕЙ  
СРЕДНЕЙ АЗИИ



АРХЕОЛОГИЯ  
СССР

---

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

# АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД  
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ  
ИСТОЧНИКОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ  
АКАДЕМИКА  
Б.А.РЫБАКОВА

БЗ—8

---

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР  
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1 9 6 2

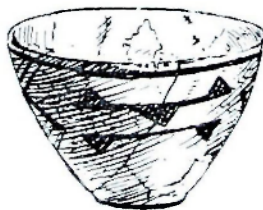
АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. М. МАССОН

ЭНЕОЛИТ  
ЮЖНЫХ ОБЛАСТЕЙ  
СРЕДНЕЙ АЗИИ

Ч А С Т Ь  
II

ПАМЯТНИКИ РАЗВИТОГО ЭНЕОЛИТА  
ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ



---

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР  
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1 9 6 2

Ответственный редактор

доктор исторических наук

*Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ*

## ВВЕДЕНИЕ

В выпусках «Свода археологических источников», посвященных эпохите юга Средней Азии, рассматриваются памятники культуры оседлых земледельцев и скотоводов, сложившейся на юго-западе Средней Азии в IV—III тысячелетиях до н. э. Эти памятники впервые были изучены еще в конце XIX в. (Комаров, 1888), но получили широкую известность лишь после раскопок в 1904 г. холмов Анау (Pimpelly, 1908). Исследования, проведенные в советский период, особенно с 1952 г. (Гаиялици, Ершов, Куфтин, В. Массон, Марущенко, Сарпаиди, Хлопци, — см. библиографию), дали целый ряд ценных материалов, которые позволили совершенно по-новому осветить историю и культуру этого периода. Эти материалы составляют основное содержание всех выпусков «Свода археологических источников», включая данный выпуск, тогда как материалы экспедиции Р. Пампелли могут быть представлены всего лишь несколькими таблицами.

Территориально памятники, публикуемые в этой серии выпусков, занимают довольно ограниченное пространство на юго-западе Средней Азии, где они расположены на северной приконетдагской равнине (табл. I). Остальная часть Средней Азии в этот период была занята неолитическими племенами, занимавшимися охотой, рыболовством и собирательством. Культура этих племен сравнительно хорошо изучена лишь на территории Хорезма (Кельтеминар).

Новые работы позволили наметить четкую линию последовательного развития раннеземледельческой культуры на юге Туркменистана. Его первые этапы относятся еще к поре неолита, когда здесь существовала джейтунская культура. В период, следующий за джейтунской культурой, в быту раннеземледельческих племен Южного Туркменистана распространяются медные изделия, что дает основание называть оставленную ими культуру энеолитической. Термин «энеолит» имеет весьма условный характер и именно в таком условно-классификационном значении применяется в настоящем издании к тому раннему периоду в истории древнеземледельческих племен, когда в быту получили широкое распространение медные изделия, а бронзовые орудия еще не применялись. По существу этот отрезок времени можно именовать медным веком или халколитом. В конкретном применении к истории земледельческих общин Южной Туркмениции можно говорить, что энеолит — это ранний период их истории, в то время как бронзовый век (термин еще более условный в данном случае, чем энеолит) — это период наивысшего расцвета их культуры.

Остановимся на принципах археологической классификации и периодизации публикуемого материала Южной Туркмениции. Она основана на стратиграфических колон-

ках, полученных на целом ряде памятников. Ввиду специфических особенностей этих памятников, где остатки расположенных друг над другом глинобитных домов представляют почти идеальные условия для вертикального членения культурных напластований, подобные колонки служат весьма надежным критерием. По существу остатки одного дома с содержащимися в нем предметами материальной культуры образуют один слой или, как можно говорить в данном случае, один строительный комплекс. Однако не всегда в ходе производившихся раскопок, особенно в глубоких и незначительных по площади шурфах, удавалось проследить эти строительные горизонты. В таких случаях применялась условная фиксация материала по ярусам (один ярус = 50 см). Объединяя керамические находки из соседних ярусов в те или иные комплексы, исследователи приносили в свои заключения известный элемент субъективности. Поэтому проведение стратиграфических работ на разных памятниках привело к некоторой усложненности общей схемы стратиграфии рассматриваемых памятников. Не удалось избежать и терминологической путаницы (Куфтин, 1954; Гаиялици, 1956). Одной из задач настоящего издания является выработка точных формулировок и определений, чтобы по мере возможности устранить эти недостатки.

Главными памятниками, стратиграфия которых лежит в основе предлагаемой классификации, являются северный холм Анау, Кара-Депе, Намазга-Депе и Геокюр. Раскопки северного холма Анау (Pimpelly, 1908) проводились на низком методическом уровне, причем основой стратиграфии служила не четкая смена строительных комплексов, а сопоставление уровней находок тех или иных характерных предметов. В результате были выделены три комплекса: Анау I А в основании холма, далее Анау I Б и в верхних слоях Анау II (табл. VII). В качестве общей схемы это деление подтвердилось в ходе дальнейших работ, однако отсутствие четкой стратиграфии по сие время не дает возможности провести более стройную периодизацию памятников. В значительной мере эти недостатки сохранились и после работ на памятнике в 1953 г. (Ершов, 1956).

После работ Б. А. Куфтина ведущим памятником для классификации рассматриваемого материала явилось Намазга-Депе. Здесь удалось выделить комплексы Намазга I, соответствующий Анау I Б, Намазга II, соответствующий Анау II, и Намазга III, оставшийся невыделенным при раскопках Анау в 1904 г. (Куфтин, 1954, 1956; В. Массон, 1956б; Гаиялици, 1956).<sup>1</sup> Фиксация материала велась в ос-

<sup>1</sup> В публикации А. Ф. Гаиялици (1956) выделяется в особый комплекс материал XXII яруса шурфа 1, в связи с чем предлагаемая этим автором классификация расходится на одну единицу

новном по ярусам, и ее некоторая обобщенность затрудняет, так же как и в Анау, выделение более дробных хронологических этапов. Культурные слои на Кара-Депе были полностью пройдены лишь в шурфе, где последовательность комплексов типа Намазга I, II и III выступила достаточно ярко и определена. Как и на Намазга-Депе, фиксация в шурфе велась по ярусам. Несколько строительных комплексов было вскрыто в раскопе 1, не доведенном, однако, до материка. Из числа вскрытых на этом раскопе слоев верхние (Кара 1 А, Кара 1 Б) соответствовали комплексу типа Намазга III, а нижние (Кара 2, Кара 3, Кара 4) — комплексу типа Намазга II. В шурфе, заложенном на поселении Геоксюр 1, удалось установить последовательную смену десяти строительных комплексов (Сариниди, 1960, 1961). Три нижних относятся ко времени бытования комплекса типа Намазга I, а семь верхних — ко времени Анау II (Намазга II). Материал этих семи верхних комплексов хорошо раскрывает конкретное своеобразие развития материальной культуры в Геоксюрском оазисе. Эти данные подкрепляются также стратиграфией шурфа, заложенного на поселении Геоксюр 5, и раскопками других поселений Геоксюрского оазиса (Адыков, В. Массон, 1962).

Общую картину, выявляющуюся на основании изучения стратиграфии этих основных памятников, дополняют наблюдения, сделанные при раскопках других памятников (Тилькип-Депе, Ак-Депе у Ашхабада, Алтын-Депе, Илгылы-Депе, Серахское поселение). Однако стратиграфические данные, полученные на этих объектах, не дают достаточно четкой картины из-за того, что слои некоторых из них изучались в траншеях, заложенных на склонах поселений, а не в шурфах или раскопах в центральной части памятников. Количественно обильный материал дали широкие раскопки верхних слоев памятников времени Намазга I (Ясы-Депе у Каахка, Дашлыджи-Депе), Намазга II (Акча-Депе, Ялангач-Депе, Муллали-Депе, Геоксюр I) и Намазга III (Кара-Депе). Корреляционное сопоставление всех этих конкретных стратиграфических колонок позволяет составить сводную таблицу относительной хронологии энеолитических памятников (табл. I). Следует коротко остановиться на принципах этого сопоставления.

Каждая отдельно взятая стратиграфическая колонка отражает прежде всего конкретную картину развития материальной культуры на данном памятнике или в данном месте памятника, если последний достаточно обширен. Дело в том, что на месте сравнительно крупного поселения разрушение старых домов и постройка новых зданий, естественно, происходит не сразу, одновременно во всем поселке, а постепенно, на разных участках в разные сроки, что соответственным образом отражается на числе и чередовании строительных комплексов, вскрываемых в шурфах и стратиграфических раскопах. Подобная конкретная стратиграфия, установленная на каком-либо памятнике, где эволюция материальной культуры прослеживается особенно ярко и выразительно, условно принимается исследователями в качестве ведущей.

Для южнотуркменского энеолита подобной ведущей стратиграфией является стратиграфия Намазга-Депе в том виде, в каком она установлена работами Б. А. Куфтина в 1952 г. Поэтому при историческом рассмотрении

культуры раннеземледельческих племен этого района говорится о «времени (или периоде) Намазга I», «времени (или периоде) Намазга II» и т. д. Вместе с тем следует подчеркнуть, что «комплекс Намазга I» является конкретным собранием предметов материальной культуры, найденных именно на поселении Намазга-Депе. В том случае, когда перед нами комплекс, близкий по своему облику к Намазга I, но происходящий не с Намазга-Депе, а с какого-то другого памятника, то о нем следует говорить как о «комплексе типа Намазга I»; если же различия между обоими собраниями весьма существенны, то его надо отметить как «комплекс времени Намазга I».

В соответствии с этим в выпусках «Свода археологических памятников», посвященных энеолиту юга Средней Азии, принята следующая археологическая периодизация: ранний энеолит (время Намазга I), средний, или средней, энеолит (время Намазга II) и поздний энеолит (время Намазга III). Настоящий выпуск посвящен памятникам лишь одного из этих периодов, а именно развитого энеолита. Уточнение стратиграфии слоев этого периода в результате раскопок на Кара-Депе, подтверждаемое сопоставлением с материалами Намазга-Депе, позволяет говорить о времени раннего Намазга II (Кара 4) и о времени позднего Намазга II (Кара 2 и Кара 3).

Начало комплекса типа Намазга II как археологической конкретности определяется появлением большого количества посуды с двухцветной (полихромной) росписью, а его конец — широким распространением в росписи на сосудах фигур козлов, птиц и пятнистых животных, составляющих специфическую особенность комплекса типа Намазга III.

Открытие значительного числа памятников, удаленных друг от друга, привело к установлению различий в их культуре и к выделению территориальных вариантов культуры энеолита. Их число и конкретные границы по мере изучения памятников несомненно будут уточняться, но уже сейчас можно говорить о двух больших областях, где этнографические особенности культуры, проявляющиеся в первую очередь в орнаментике керамики, выступают как вполне своеобразные явления. Первую область можно назвать западной, и она простирается от Беурме на западе до Душака на востоке, включая такие памятники, как Тилькип-Депе, Ак-Депе, Анау, Кара-Депе, Намазга-Депе и другие. Вторая область, или восточная, начинается от Душака и включает оазисы Чаача, Меана и районы вдоль р. Теджен, захватывая окраину древней дельты этой реки около станции Геоксюр. В эту область входят такие памятники, как Алтын-Депе, Илгылы-Депе, Серахское поселение и девять поселений геоксюрской группы. В пору раннего энеолита культура поселений западной и восточной областей еще не различается сколько-нибудь существенно: в обоих районах были распространены комплексы типа Намазга I. В период развитого энеолита в восточной области складывается комплекс, получивший наименование ялангачского и характеризующийся керамикой с росписью в виде четырех полос, проведенных вдоль венчика. Находки на памятниках восточной области сосудов типа Намазга II, возможно принадлежавших к числу привозных вещей, указывают, что ялангачский комплекс одновременно раннему Намазга II. В пору позднего Намазга II в восточных областях распространяется так называемый геоксюрский комплекс, характеризующийся керамикой с двухцветной росписью и с богатой геометрической орнаментикой, в которой одно из ведущих мест занимают фигуры крестов и их частей. Ялангачский и геоксюрский комплексы являются именно

со схемой Б. А. Куфтина. Подобное «повождение» является нецелесообразным, тем более что материал, опубликованный А. Ф. Ганялиным как относящийся к этому комплексу, в действительности происходит из XVIII—XIX ярусов этого шурфа.



«комплексами времени Намазга II» в соответствии с предложенной выше терминологией.

Такое значительное хронологическое и территориальное разнообразие обширного материала по энеолиту юга Средней Азии привело к необходимости опубликовать его в нескольких выпусках «Свода археологических источников». Настоящий выпуск посвящен памятникам развитого энеолита западной области, или комплексам типа Намазга II.

Вопросы абсолютной хронологии разработаны много хуже, чем проблема относительной хронологии (В. Массон, 1956б, 1957в, 1961б). Исследование здесь идет в двух направлениях. Прежде всего устанавливается взаимоотношение с хронологической шкалой иранских памятников, а через их посредство — со шкалой абсолютной хронологии Месопотамии. Так, комплексы типа Намазга I (Анау I) обнаруживают несомненные связи с комплексом Спалка I, что, возможно, указывает на их хронологическую одновременность. Однако мы не располагаем твердыми критериями для определения даты нижних слоев Спалка. Как Спалк I, так и Намазга I (Анау I) в области керамического производства близки комплексам типа Хассуны (северный Ирак), который на известных основаниях можно отнести к V тысячелетию до н. э. Однако это обстоятельство нельзя с уверенностью использовать для установления абсолютной хронологии ирано-среднеазиатских памятников, поскольку вполне вероятно, что уже в этот период стала заметно проявляться неравномерность в развитии отдельных районов. Комплексы типа Намазга III обнаруживают ближайшее и ярко выраженное сходство с такими иранскими комплексами, как Гисар I В—II А и Спалк III, 4—7 (В. Массон, 1956б, 1961б). Перекрывающий слой Спалка III комплекс Спалк IV есть основания отнести

ко времени не позднее начала III тысячелетия до н. э. (находки цилиндрических печатей эламско-месопотамского круга, керамики с полихромной росписью, табличек с протоэламскими письменами). Если исследовать возможный путь движения отдельных культурных влияний из Спалка в сторону Гисара и далее в область Южного Туркменистана, то следует прийти к заключению об известной длительности этого процесса. Это соображение заставляет ориентировочно датировать комплексы типа Намазга III концом IV—первой половиной III тысячелетия до н. э.

Вторым путем изучения вопросов абсолютной хронологии является датировка слоев памятников методом радиоуглеродного анализа. Пока для территории Южного Туркменистана проведен лишь один подобный анализ, давший для верхнего слоя Кара-Дене (время раннего Намазга III) дату 2750 г. до н. э. ( $\pm 220$ ). Таким образом, можно считать, что на данном этапе наших знаний датировка комплекса Намазга III концом IV—первой половиной III тысячелетия до н. э. является наиболее вероятной. Соответственно комплексы типа Намазга II следует ориентировочно относить к IV тысячелетию до н. э. В начале этого тысячелетия, видимо, были распространены комплексы типа Намазга I. Против излишнего замощения комплекса Намазга II говорят поразительные аналогии изображениям козлов на сосудах из этого комплекса в материалах расписной керамики Элама (так называемый комплекс типа Джови или Сузнана С), синхронизируемой исследователями с убейдскими (Le Breton, 1957) или даже халафскими (McCown, 1954) комплексами Месопотамии. Большое значение для вопросов абсолютной хронологии будет иметь получение серии дат при помощи радиоуглеродного анализа.

# РАЗВИТОЙ ЭНЕОЛИТ ЮГА СРЕДНЕЙ АЗИИ

## ПАМЯТНИКИ

### ПАМЯТНИКИ ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ

Тилькип-Депе — поселение размером около 80 × 70 м в 6 км к востоку от Геок-Тепе Ашхабадской обл. В 1959 г. Д. Дурдыевым и А. А. Марущенко в центре холма заложен шурф 6 × 4 м, глубиной в 5 м. Пройдены 6 строительных периодов. В нижних слоях распространена керамика раннего энеолита типа Намазга I. В верхних слоях наряду с этой ранней керамикой встречается посуда типа Намазга II — черепки с полихромным орнаментом, красноощенные сферические сосуды с отогнутым венчиком, чаши с перегибом, близкие к полусферическим сосудам. Материал не издан, хранится в Институте истории, археологии и этнографии АН ТССР.

Северный холм Анау расположен в 12 км к востоку от Ашхабада. Площадь около 1 га, высота до 12 м. Раскапывался в 80-х годах XIX в. А. В. Комаровым (Комаров, 1888), в 1904 г. экспедицией Р. Пампелли (Pampelly, 1908), в 1953 г. С. А. Ершовым (Ершов, 1956). По мнению Г. Шмидта (Schmidt, 1908), слой Анау II начинается с отметки +25 футов (7.6 м) над уровнем окружающей местности и имеет, таким образом, максимальную мощность в 5 м. Исходя из этого, ряд исследователей считает, что слои Анау II были пройдены при раскопках на террасах I, II, III, IV, V, VI, VII и VIII. Однако следует иметь в виду, что в древности культурные слои отнюдь не располагались строго горизонтально, а как бы «обтекали» холм, в связи с чем по краям поселения они могут располагаться на иных отметках, чем в центре. Характер публикации, к сожалению, не позволяет предложить уточнение стратиграфии внутри комплекса Анау II.

На террасе I, возможно, открыты остатки трех строительных периодов, связанных с существованием двора или хозяйственного участка. В первый период существовала стена А, построенная из прямоугольного сырцового кирпича (верх стены +37 футов = 11.3 м; прослеживается до глубины 10.4 м). Во второй период (уровень пола +31.5 фута = 10.9 м) около основной стены В были пристроены два небольших подсобных помещения, пол и стены которых облицованы фрагментами керамики. К северу от них, видимо, находился двор, где располагались полушаровидные печи из необожженной глины типа современных тандыров; там найдены зернотерка и каменный подпятник. Ниже уровня пола этого двора обнаружено погребение 5.

Судя по обнаружению на уровне +29 футов (= 8.8 м) аналогичных полушаровидных печей, можно думать, что этот слой соответствует третьему строительному периоду. Ниже этого уровня также были обнаружены кости трех погребений. Часть прямоугольной комнаты из сырцового

кирпича была вскрыта и на террасе V. На других участках северного холма Анау в слоях, относимых к Анау II, обнаружены очаги и захоронения. Общее число захоронений, связываемых с этими слоями, достигает 13. Это преимущественно детские погребения; скелет с согнутыми ногами покоится на правом боку головой на юго-запад (восемь погребений), на юго-восток (три погребения). В двух случаях ориентация не указана. В некоторых захоронениях отмечены следы обкладки из сырцового кирпича; в одном, детском (погр. 5), найдено четыре бусины из лазурита, в другом, также детском (погр. 9), в месте таза скелета — 1066 мелких бусин из белого камня, видимо в древности нашитых на одежду.

В слоях Анау II обнаружены кости следующих одомашненных животных: верблюда, длиннорогого и короткорогого быка, свиньи, козла, барапа и собаки. Б. А. Куфтин полагал, что к числу животных, одомашненных еще в пору раннего энеолита, относится также лошадь (Куфтин, 1954, стр. 28), однако это положение вызывает значительные сомнения.

Кара-Депе — в 4 км в северу от Артыка, поселение площадью около 15 га и высотой до 11.5 м. Раскопки производились XIV отрядом ЮТАКЭ в 1952 г. под руководством Б. А. Куфтина (Куфтин, 1956; В. Массон, 1956б) и в 1955—1957 и 1960 гг. под руководством В. М. Массона (В. Массон, 1957а, 1959б, 1961б). При раскопках на Кара-Депе начиная с 1955 г. была принята сплошная нумерация для всех погребений независимо от места находок и ярусы всех раскопов отсчитывались от общего репера. Материал хранится в Историческом музее АН ТССР и в Государственном Эрмитаже. Верхние слои относятся к поре позднего энеолита (комплекс типа Намазга III). Слой развитого энеолита отмечены в четырех пунктах (раскоп 1, раскоп 2, шурф 1 и раскоп 5) — они повсюду подстилаются культурными наслоениями раннего энеолита. Не остается сомнений, что во все эти периоды Кара-Депе было крупным поселением, во много раз превосходящим, например, северный холм Анау.

Наиболее значительные по объему работы были проведены на раскопе 1, где на площади в 400 м<sup>2</sup> удалось открыть несколько строительных горизонтов древних построек и наметить подробную стратиграфию в пределах комплекса типа Намазга II. Каждый слой, вскрытый на раскопе 1, получал название сверху наименованием Кара 1, Кара 2 и т. д. На основе добытой керамики можно установить соответствие между слоями шурфа 1 и раскопа 1 (табл. 1).

В траншее, заложенной в южной части раскопа 5 (в юго-восточной части Кара-Депе), вскрыт комплекс,

Таблица 1  
СООТНОШЕНИЕ СЛОЕВ НА КАРА-ДЕНЕ

Нумерация ярусов по отчету Куфтина (В. Массон, 1956б)	Нумерация ярусов в 1953 г. (В. Массон, 1957а)	Раскоп 1 (В. Массон, 1961б)
VI—VII VIII—IX X—XI	X—XI XII—XIII XIV—XV	Кара 2 Кара 3 Кара 4

близкий слою Кара 4. Здесь расчищена часть стены, сложенной из сырцового кирпича, размером  $47 (46.5) \times 26 (25) \times 11$  см и сохранившейся в высоту до 70 см. Следует отметить, что, судя по некоторым косвенным признакам, строительный горизонт раскопа 1, следующий за слоем Кара 4, т. е. слой Кара 5, тоже относится к комплексу типа Намазга II. Не исключено, что в таком случае предлагаемая синхронизация слоев претерпит некоторые изменения. В X и в XIV ярусах шурфа 1 было встречено по два двойных погребения. Во всех случаях скелеты были расположены в скорченном положении на правом боку и ориентированы головой на юг-юго-запад. Около погребений XIV яруса находилось два сосуда (табл. XV, 43, 44). В XVI ярусе в шурфе в раскопе 2 было расчищено погребение 14 с аналогичным положением и ориентацией. У затылка скелета находилась расписная чаша (табл. XII, 4).

Обширные материалы, полученные на раскопе 1, следует рассматривать по слоям или строительным комплексам.

К комплексу Кара 2 относятся остатки строений и ряд захоронений, находящихся в слое с постройками Кара 3. Здания возводились из сырцового кирпича размером  $50 \times 25 \times 12$  см и  $48.5 \times 25 \times 11.5$  см. В ряде случаев кирпич имеет зеленоватый цвет, что, возможно, связано с включением в его состав илистых отложений. Предполагается, что на месте раскопа находились остатки двух или трех жилых комплексов, отделенных друг от друга длинными сплошными стенами. На юго-западную часть раскопа приходился значительный незастроенный участок, — возможно, двор.

Первый жилой комплекс находился в юго-восточной части раскопа и был огражден с запада и юга сплошными стенами. Внутри его разделяла на две части поперечная стена. Возможно, в северной из этих частей находились жилые помещения, южная же (судя по отсутствию кирпичных завалов) скорее всего была двором. В углу двора находились плохо сохранившийся глинобитный очаг и сооружение из глины в виде небольшого бочонка, видимо представлявшие собой нечто вроде закрома для зерна, обычного для неолитических поселений Месопотамии (Хасуна, Матарра).

Второй комплекс занимал большую часть раскопа; к нему относится наиболее хорошо сохранившееся квадратное в плане помещение в самом центре раскопа 1. Внутри это помещение разделено на целый ряд отсеков, видимо игравших различную хозяйственную роль. Три продолговатых отсека расположены в северном углу помещения. Их стены возведены из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро или положенных в обычной кладке плашмя. Стены тщательно оштукатурены, по, кроме того, их нижние части, а также пол облицованы мелкой галькой, керамическим шлаком и крупными фрагментами керамики. Видимо, эти отсеки служили своеобразными закромами, и вполне возможно, что облицовка их пола и

стен имела целью предохранить содержимое от сырости. Помимо отсеков, внутри этого помещения был сделан целый ряд выступов, около которых стояли врытые в пол по венчики или до половины тулова красноощепные хумы шаровидной формы с отогнутыми наружу венчиками. В западной части этого центрального помещения был проход, выходящий в продолговатую комнату. Из этой комнаты проход на западе выводил в узкий коридор, за которым опять располагались помещения. Небольшое прямоугольное помещение с врытым в пол хумом было расчищено также и в северо-западной части раскопа.

Могилы Кара 2 располагались ниже полов построек этого слоя, прорезая строения Кара 3. Могильник этого слоя — самый крупный на раскопе 1: он насчитывает 35 погребений. Могилы, как правило, обкладывались сырцовым кирпичом; в ряде случаев были отмечены также остатки перекрытия из наклонных сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Часто встречались отпечатки плетеной подстилки (буера), которой, видимо, выкладывали дно могилы.

Положение на правом боку с подогнутыми ногами, вытянутой вдоль тела правой рукой и согнутой в локте левой отмечено для 23 погребений — оно является ведущим типом. Положение на спине с аналогичной позой рук скорее всего относится также к этому типу. Варианты могут быть отмечены лишь для положения рук: иногда к подбородку поднесена правая рука, иногда левая. Несколько выделяются три погребения, в которых руки вытянуты вдоль тела. Еще большим своеобразием отмечено погребение 44, где скелет поконен на левом боку, а руки вытянуты вдоль тела. Это погребение отличается от прочих также своей ориентацией. В двух погребениях на земле около скелета и непосредственно на костях обнаружены отчетливые следы красной краски. Инвентарь погребений сравнительно беден и представлен почти исключительно бусами. Лишь в одном случае найдены положенные в могилу челюсти животного. Бусы встречены главным образом у детей, что напоминает картину, характерную для северного холма Анау. Преимущественно это были ожерелья на шею и лишь иногда одиночные бусы на шею (погр. 56), у кисти руки (погр. 60) или под лопаткой (погр. 46). Возможно, что в последних случаях они играли роль амулетов. В погребении 15 на шею ребенка 12—15 месяцев было надето ожерелье из бус; 28 лазуритовых бус, найденных у его колен, скорее всего были нашиты на подол одежды. Встречены бусы также у взрослых в виде ожерелья или браслета на запястье правой руки (погр. 32, 72). Обилием бус выделяется погребение 31, названное «погребением девушки с бусами»: бусы располагались в несколько нитей на шею, на плечах и даже на голове покойницы, где, видимо, образовывали род диадемы. На запястьях обеих рук было по два браслета. Один из браслетов правой руки состоял из плоских фигурных бус из гипса и удлиненной медной проволочки. Лишь в одном погребении пожилой женщины найден небольшой керамический горшочек (табл. XII, 1).

Строение слоя Кара 3 тесно связано со зданием времени Кара 2. При постройке здания Кара 2 лишь часть стен старого здания была срублена, другая часть их была сохранена и надстроена. Кара 2 и Кара 3 во многом сходны — это два этапа одного периода.

Стены строения Кара 3 возведены из сырцового кирпича  $47 \times 23 \times 10$  см и  $48 \times 24 \times 10$  см. Пол и стены покрыты в несколько слоев глиняной штукатуркой. Иногда пол выстлан сырцовым кирпичом. Слой Кара 3 во многом повторяет планировку слоя Кара 2. В юго-западной

части раскопа находился большой незастроенный участок — двор или междудомное пространство. На это, в частности, указывает значительная толщина обращенных сюда стен, подчеркивающая, что эти стены были внешними. Центр раскопа, как и в пору Кара 2, занимало квадратное в плане помещение. Внутри него находилось большое число отсеков-закромов и небольших обособленных помещений. Судя по находке подпятника, одно из них имело даже дверь. К северу от центрального помещения располагалась большая квадратная в плане комната, судя по размерам и типу, жилая. К ней с севера в свою очередь примыкали два небольших помещения-отсека, скорее всего хозяйственного назначения. Наконец, в северо-восточном углу отсека находилось помещение, в котором стояли до половины врытые в пол краснопокрытые шаровидные хумы. Помещения, находившиеся в северо-западной части раскопа, были отделены узким коридором, но, возможно, составляли единый комплекс с центральным помещением, хотя частично имели несколько иное направление стен.

Более определенно можно говорить об обособленности жилого комплекса в юго-восточной части раскопа, где имелась большая, видимо жилая комната и примыкающие к ней подсобные помещения со стоящими в них хумами. В углу одной из комнат находилась тщательно выстланная обломками керамики площадка не установленного нами назначения. Возможно, обособленный третий комплекс находился к югу от центрального помещения.

Все помещения слоя Кара 3 были, как правило, плотно забутованы глиной и кусками сырцового кирпича, и на этом материале, как на фундаменте, возведены строения поры Кара 2. Ниже полов, в слое Кара 4, были расчищены погребения, относящиеся к слою Кара 3. Здесь было всего найдено 21 погребение этого слоя. По обряду и способу захоронения они во многом близки погребениям верхних слоев. Могильная яма обложена сырцовым кирпичом, причем в ряде случаев можно с полной уверенностью сказать, что сверху яма перекрывалась двумя другими рядами сырцовых кирпичей, поставленных на ребро и наклоненных друг к другу. Под костями на дне могилы были ясно видны отпечатки плетеной подстилки (буеры), особенно четко прослеживаемые под головой. В одном случае эти отпечатки были найдены на костях, что может свидетельствовать о завертывании трупа в подобную плетенку.

По положению скелетов погребения Кара 3 распадаются на две группы. В первой из них — при положении скелета на правом боку с вытянутой правой рукой и согнутой левой (восемь погребений) — не трудно узнать основной тип могильника Кара 2. Видимо, сюда же следует отнести также два погребения с аналогичным положением рук, но с лежащими на земле обеими лопатками. Судя по положению рук, это были умершие, положенные вначале на бок и опрокинувшиеся на спину уже впоследствии, в процессе разложения. В семи погребениях второй группы покойники были положены также на правый бок с согнутыми ногами, но с вытянутыми вдоль тела обеими руками. Отклонением от общего вида покойников этих групп является положение рук у одного из погребений — ладонями на бедре правой ноги. В другом случае вдоль тела была вытянута левая рука, а кисть правой поднесена к лицу. В погребении 79 были отмечены следы красной краски на земле под скелетом.

Как и в слое Кара 2, инвентарь, встречаемый в половине погребений (10 из 21), невелик. В трех случаях в ногах были найдены кости животных, вероятно оставшиеся от жертвенного возношения кусками мяса. У детей и у взрослых бусы находились около шеи или в виде ожер-

дений, или по одной бусине, возможно игравшей в данном случае роль амулета. В одном случае бусина была найдена под левой лопаткой (погр. 84). В детском погребении 75 несколько штей, охватывавших шею и плечи покойника, состояли из 420 гипсовых бус, 1 сердоликовой, 2 лазуритовых и 6 крупных гипсовых бус, обтянутых тонкими листками серебра. На запястьях обеих рук было по миниатюрному браслету, состоявшему из сердоликовых и лазуритовых бус, на правой руке среди них была еще одна золотая бусина.

Около взрослых покойников в трех случаях были найдены керамические сосуды (табл. XII, 3), в одном из погребений — изогнутый под углом медный стержень, лежавший у головы (табл. X, 23).

Особо выделялись погребения 88, 89 и 90, вытянутые в цепочку. Все три имели по небольшому керамическому сосуду, а около таза покойника в погребении 88 стоял крупный кухонный котел. Интересно отметить, что ноги скелета (погр. 89) были подогнуты так, чтобы не потревожить погребение 90. Погребение же 88 было, видимо, более поздним, и поэтому при рытье для него могильной ямы череп скелета из погребения 89 был отброшен в сторону. Но несмотря на то, что в этом отношении древние могильщики немного ошиблись в расчетах, в общем было видно их стремление поместить все три скелета в непосредственной близости друг от друга, что свидетельствует о каких-то родственных или иных связях покойников при жизни.

Погребения слоя Кара 3 сохраняют четкую выдержанность в ориентации: 15 скелетов положены головой на юг, 5 — на юг-юго-запад и 1 — на юг-юго-восток. Как мы видим, отклонений от традиционной для Кара-Депе южной ориентации здесь не встречено.

Слой Кара 4 пройден не полностью.

В слое Кара 4 в юго-восточной части раскопа (линии 17, 18, 19 от линии 3 до линии П), по всей вероятности, находился незастроенный участок, — возможно, внутренний двор. Здесь была расчищена небольшая постройка в виде буквы П в плане, шириной в 1 м и длиной в 1,5 м, видимо имевшая какое-то хозяйственное назначение. Здесь же было встречено большое количество керамического шлага и фрагментов ошлакованных кирпичей. Возможно, этот факт показывает, что где-либо поблизости (вне пределов раскопа) находилась одна или несколько гончарных печей и выброшенный мусор был раздавлен при инвентаризации всей площади для возведения здания Кара 3. В северо-восточной части раскопа было расчищено жилое здание, внутри которого, так же как в зданиях Кара 2 и Кара 3, у стен имелись небольшие отсеки хозяйственного назначения. Здание это существовало длительное время — стены раскопанного помещения были покрыты в три слоя глиняной штукатуркой. В северо-западном углу раскопа были обнаружены крупные куски керамических шлаков и обожженных кирпичей.

На м а з г а - Д е п е — поселение в 6 км к востоку от сел. Каахка площадью около 100 га. Слои Намазга II обнаружены в шурфе 1 (XVIII—XXII ярусы = 2,5 м) и в шурфе 5 («шурф в хаусе», XV—XIX ярусы = 2,5 м, слои несколько перемешаны). Раскопки производились в 1952 г. отрядом ЮГАКЭ под руководством Б. А. Куфтина (Куфтин, 1956; В. Массон, 1956); материал хранится в Историческом музее МН СССР. Необоснованной является попытка выделения в особый комплекс материалов, будто бы происходящих из XXI яруса шурфа 1 (Ганялин, 1956). В обоих шурфах слои непосредственно подстилает материал поры раннего энеолита. В южной части

поселения слон Намазга II (так же как и Намазга I) обнаружены не были (шурф 2). Видимо, поселение поры раннего и среднего энеолита занимало лишь северную часть Намазга-Дене, хотя и в таком случае достигало значительных размеров. Возможно, ко времени позднего Намазга II относятся слои XVIII—XIX ярусов шурфа I, где встречается керамика с монохромной росписью типа Кара 2 и Кара 3, однако небольшая площадь раскопок в пределах шурфов не позволяла судить об остатках строений. В XXI ярусе шурфа I как будто отмечены остатки пола (Ганялин, 1956, стр. 48). В этом же шурфе в слоях Намазга II расчищено три взрослых и четыре детских погребения. Два погребения взрослых, расчищенные в XIX ярусе, содержали скелеты, положенные в скорченном положении на правом боку головой на юг. Перед лицом одного из погребенных стояла чаша (табл. XVII, 38). Погребение, обнаруженное в XXI ярусе, также скорченное: скелет на левом боку, обе руки согнуты в локтях, и кисти помещены перед лицом. Ориентировано головой на юг.

### ПАМЯТНИКИ ВОСТОЧНОЙ ГРУППЫ

Памятники этой группы принадлежат к иной культурной области, чем охарактеризованные выше поселения. Возможно, наиболее западным из памятников восточной группы является Улуг-Дене у Душака (иначе называемое также Яссы-Дене; М. Массон, 1953), где в подъемном материале встречается посуда с полихромной росписью геоксюрского стиля. К числу памятников восточной группы относится Алтын-Дене у Меана, где в нижних слоях встречен комплекс с аналогичной керамикой (шурф не докопан; возможно, ниже располагается слон раннего энеолита). Целиком к поре раннего энеолита (нижние слои, комплекс типа Намазга I) и развитого энеолита (верхние слои, комплексы ялангачского и выше геоксюрского типа) принадлежит поселение Илгынды-Дене у Чаача (Ганялин, 1959). Во многом аналогична стратиграфия Серахского поселения (в 18 км к северу отг. Серах), существовав-

шего также по крайней мере в пору позднего энеолита. Наконец, целая группа поселений поры раннего и развитого энеолита расположена в районе железнодорожной станции Геоксюр (так называемый Геоксюрский оазис; см.: Адыков, В. Массон, 1962). Здесь наиболее полную свиту слоев (комплекс типа Намазга I, затем ялангачский комплекс и наверху геоксюрский комплекс) содержит поселение Геоксюр I, крупнейшее поселение площадью около 12 га, несомненно древний центр оазиса (Саришиди, 1960, 1961). Четкая смена геоксюрским комплексом слоев с керамикой ялангачского типа установлена на поселении Геоксюр 5 (Адыков, В. Массон, 1960). Целиком к ялангачскому периоду принадлежит поселение Ялангач-Дене (Геоксюр 3), где удалось раскрыть интересную картину древней планировки в двух строительных периодах (Хлопин, 1961, 1962). Некоторые особенности этой планировки (наличие обводной стены-забора и постепенный переход от однокомнатных жилых домов к многокомнатным массивам) отмечены и на другом памятнике, также целиком относящемся к ялангачскому времени, — Муллалы-Дене (Геоксюр 4) (Хлопин, 1962). Дополнительный материал для изучения планировки времени бытования комплекса ялангачского типа дают раскопки Акча-Дене (Геоксюр 2), где нижние слои относятся еще к поре раннего энеолита (Саришиди, 1962).

Все перечисленные памятники восточной группы будут изданы в специальном выпуске «Свода», поскольку они образуют вполне своеобразное историко-культурное явление и в результате раскопок последних лет характеризуются большим количеством материала. Однако их необходимо было упомянуть уже в данном выпуске, поскольку без сравнения с ними осталось бы неясным историко-культурное место рассматриваемых памятников. Кроме того, почти на всех поселениях восточной группы обнаружены фрагменты керамики, по технике и орнаментации отличные от продукции местных гончаров и по тем же признакам идентичные изделиям древних керамистов Анау, Кара-Дене и Намазга-Дене, которые нельзя рассматривать в отрыве от последних.

## ПРЕДМЕТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

### КЕРАМИКА

Керамика занимает первое место в археологической классификации памятников энеолита и заслуживает особого внимания. Вся керамику рассматриваемых комплексов можно разделить на пять групп.

**I. Первая группа**, наиболее характерная, представляет собой керамику с полихромной росписью черной и буро-красной краской по кремевому или желтоватому фону, иногда имеющему красноватые пятна от обжига. Орнаментация этой группы посуды характеризуется росписью фризами, которые образуются некрупными геометрическими элементами, преимущественно треугольниками, обычно заполненными внутри кривой сеткой или кривой штриховкой. Рассматривая наиболее часто встречающиеся орнаментальные мотивы и композиционные построения, можно выделить следующие десять основных типов орнаментации (табл. IV).

**I.** Фризы с треугольниками, которые обращены друг к другу вершинами и, как правило, этими вершинами соединяются. Треугольники эти обычно выполнены черной или буро-красной краской (реже сочетанием этих двух цветов) и заполнены сеткой или кривой штриховкой.

Значительное число вариантов характеризуется различными вариантами орнаментации, сопровождающей этот основной мотив: таковы вертикальные прямоугольники, два треугольника, соединенные вершинами, но поставленные горизонтально (так называемый мотив «двойного топора» ближневосточной керамики), вертикальные полосы с волнообразно оформленным краем, ромбы со вписанным внутрь восьмиконечным крестом. Отметим, что треугольники, образующие мотив «двойного топора», обычно даны сплошной заливкой буро-красной краской.

**II.** Фризы с небольшими треугольниками, которые обращены вершинами друг к другу и никогда не соединяются. Иногда треугольники расположены попарно; выполнены черной и буро-красной краской сплошной заливкой или сетчатым заполнением. Сопровождающие мотивы: вертикальные прямоугольники обычно буро-красного цвета, вертикальные полосы с волнообразно оформленным краем и два вертикально стоящих небольших треугольника, причем особенно характерны треугольники с сетчатым заполнением.

**III.** Фризы с треугольниками, обращенными друг к другу вершинами, но так, что эти вершины не находятся одна против другой, а даны «вразбежку». Разделяющий

треугольники горизонтальный зигзаг обычно выполнены буро-красной краской (силошная заливка, реже полоса с сетчатым заполнением). Варианты различаются по заполнению треугольников: решетки, обращенные внутрь, более мелкие треугольники с внутренней штриховкой или заливкой, сетчатое заполнение.

IV. Роспись рядами вертикальных полос обычно перемежающейся расцветки, спускающимися от венчика ко дну сосуда. Иногда наряду с прямыми линиями дается орнаментальное заполнение (вертикальные ряды ромбов, квадратов, разделенных на треугольники).

зетовидные фигуры. Внутри фигуры заполнены или мелкими треугольниками, данными «вразбежку» вершинами друг к другу, или рядами ромбов, или вертикальными отрезками волнистых линий.

IX. Фризы, обрамленные узкими поясами, которые заполнены зетовидными отрезками. Заполнение поясов внутри этого обрамления может быть различно.

X. Фризы, разделенные на участки прямоугольниками, заполненными внутри горизонтальными отрезками волнистых линий.

Перечисленные типы не исчерпывают всего разнообра-







Тип орнамента		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Формы											
1		+	+	+	+			+		+	+
2						+	+	+	+	+	
3						+	+				
4					+		+				
5									+		
6					+				+		

Рис. 1. Соотношение типов полихромной орнаментации и форм сосудов.

V. Роспись дугами по краю сосуда. Варьирует по орнаменту, заполняющему эти дуги: иногда это отрезки вертикальных линий, иногда дуги, параллельные основному рисунку, чаще всего сочетание вертикальных и горизонтальных черточек чередующейся расцветки.

VI. Роспись треугольными шевронами, спускающимися от венчика сосуда. Обычно шевроны внутри разделены на треугольники с заполнением штриховкой или силовой заливкой. Отмечена также штриховка внутри шеврона параллельными линиями двух цветов.

VII. Фризы с орнаментом из крестов, образованных четырьмя треугольниками с внутренней штриховкой или сетчатым заполнением.

VIII. Фризы, композиционно разделенные на крупные

зона орнаментики керамики с полихромной росписью, но дают представление лишь об основных выделяемых орнаментальных и композиционных группах. Различные варианты и редкие мотивы будут отмечены при описании керамики по памятникам.

Можно указать следующие шесть основных форм керамики с полихромной росписью: 1) глубокая чаша с плоским дном, в ранних комплексах близкая к подусферической и напоминающая чаши раннего энеолита (Намазга I), позднее более стройная и изящная; 2) чаша с ребром несколько ниже венчика, ребро обычно сглажено; 3) миска, близкая к конической форме, иногда с венчиком, слегка загнутым внутрь; 4) горшковидный сосуд с невысоким, слабо отогнутым наружу венчиком; 5) шаровидный сосуд,

в имеющихся материалах представленный только крупными экземплярами; б) конический сосуд, расширяющийся к венчику, возможно позднее становящийся конической чашей. Соотношение этих форм и отмеченных типов росписи можно видеть из рис. 1. Различные типы фризовых композиций, как правило, связаны с чашами, которые они опоясывают широкими лентами снаружи. Роспись дугами можно считать типом, особенно характерным для мисок.

ские фигурки козлов (по одной в каждом из крупных треугольников).

II. Фризовая роспись, включающая прямоугольник, в котором три прямоугольника обычно с косой штриховкой образуют «весы». Из дополнительных элементов отмечен прямоугольник с вертикальными рядами мелких треугольников, обращенных «вразбегку» вершинами друг к другу (табл. XIII, 12).

III. Фризы с треугольниками, которые обращены вер-








тип орнамента Форма!		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1		+	+	+	+			+			+
2		+	+						+		+
3						+					
4										+	
5									+		
6							+			+	
7											

Рис. 2. Соотношение типов монохромной орнаментации и форм сосудов.

Вторая группа объединяет керамику с одноцветной или монохромной росписью. Роспись наносилась темно-бурой и темно-коричневой краской на беловатом и желтовато-розовом фоне. Можно выделить следующие основные типы мотивов росписи и орнаментальных композиций (табл. V).

I. Фризовая роспись, включающая прямоугольники, разделенные косой линией на два треугольника. В противоположных углах этих треугольников вершинами друг к другу расположены более мелкие треугольники, заполненные сеткой или рядами волнистых линий. Другие элементы фриза значительно варьируют (шахматная сетка, противостоящие вершинами треугольники). Иногда в пределах основного элемента фриза помещаются схематиче-

скими вершинами друг к другу, но расположены «вразбегку». Иногда треугольники разделяет дополнительный элемент — горизонтальный зигзаг. Обычное заполнение треугольников — косая штриховка. Следует отметить в одном случае наличие внутри треугольников фигуры полукреста.

IV. Фризы, разделенные на панно, внутри которых помещаются схематические фигурки козлов. Обычным обрамлением панно служат узкие пояса, заполненные зетовидными фигурами или короткими отрезками волнистых линий.

V. Роспись дугами по краю сосуда. Обычно эти дуги прочерчены двойной линией, иногда разделены вертикальными черточками на отсеки, заполненные внутри сегментами круга, переданными силоватной заливкой.

VI. Роспись треугольными шевронами, спускающимися от плечиков. Внутри шевроны разделены на треугольники с различным заполнением.

VII. Фризы с орнаментом из крестов, образованных четырьмя треугольниками с внутренней штриховкой.

VIII. Фризы, композиционно разделенные на крупные зетовидные фигуры, в промежутках между которыми иногда помещаются схематические фигурки козлов. Зетовидные фигуры образованы узкими поясами, которые внутри заполнены прямыми черточками или отрезками волнистых линий.

IX. Сосуд орнаментирован рядами параллельных полос, внутри заполненных или вертикальными черточками, или зетовидными фигурами.

X. Фризы, разделенные на участки прямоугольниками, заполненными внутри горизонтальными отрезками волнистых линий.

Аналогично описанию посуды первой группы, отдельные варианты, редко встречающиеся мотивы и композиции будут упомянуты при описании керамики по памятникам. Основные формы керамики с монохромной росписью следующие: 1) глубокая чаша; 2) чаша с ребром шире венчика; 3) миска конической формы, иногда с венчиком, слегка загнутым внутрь; 4) коническая чаша с изгибом стенок у венчика; 5) шаровидный сосуд обычно крупных размеров; 6) горшковидный сосуд, представленный как крупными, так и мелкими образцами, причем среди последних есть более приземистые и более вытянутые экземпляры; 7) низкие открытые чаши с внутренней росписью. Соотношение форм и типов орнаментации показано на рис. 2. Глубокие чаши и чаши с ребром содержат основные разновидности фризовой росписи. Роспись дугами (тип V) характерна для мисок, роспись треугольными шевронами (тип VI) — для крупных горшковидных сосудов.

Третья группа объединяет сосуды с темно-коричневой росписью на красном фоне и представлена сравнительно редкими находками, преимущественно в ранних комплексах. Представлена следующими формами: 1) глубоким баночным сосудом, часто с наружным лощением, с росписью треугольными шевронами; 2) горшковидным сосудом с отогнутым наружу венчиком, с росписью рядами из вертикальных полос; 3) небольшой чашей с ребром, с росписью горизонтальным зигзагом; 4) четырехугольным сосудом — «салатницей», восходящим еще к традициям джентунской культуры, с росписью дугами вдоль венчика.

Четвертая группа характеризуется нерасписными сосудами красного и черного цвета. Посуда красного цвета бывает как краснолощенная, обычно с примесью в тесте кусочков белого гипса, так и красноангобированная. Она представлена следующими формами: 1) полусферическая чаша; 2) чаша с перегибом стенок, близкая к сферическому сосуду; 3) коническая чаша с небольшим перегибом у венчика; 4) коническая чаша без перегиба; 5) крупный горшковидный сосуд с отогнутым наружу венчиком и маленький горшочек с более прямым горлом; 6) плоский сосуд, разделенный перегородкой на две части. Не вполне ясно, к какому типу сосудов принадлежат конические попки, обычно покрытые красным ангобом. Серая керамика встречается значительно реже красной, и, как правило, вся лощеная. Она характеризуется следующими формами: 1) глубокая чаша; 2) чаша с ребром; 3) коническая чаша с ребром; 4) горшковидный сосуд с отогнутым наружу венчиком.

Пятая группа объединяет грубую посуду хозяйственного назначения. Таковы: 1) толстостенный хум с примесью в глине большого количества крупнорубленого самана, с прямым венчиком, чуть сужающимся к горлу; 2) кухонный котел с примесью в тесте большого количества неса и гипса, обычно с невысоким прямым венчиком; 3) плоский диск-подставка, возможно игравший роль крышки; 4) крупный сосуд типа таза с расширяющимися кверху стенками; 5) крупная керамическая ванночка, иногда с поперечной перегородкой, напоминающая более миниатюрные красноангобированные сосуды.

Такова общая классификация керамики среднего энеолита или комплекса Намазга II. Рассмотрение конкретных находок, сделанных на отдельных памятниках, позволит, с одной стороны, определить специфические особенности культуры этих памятников, а с другой стороны, наметить хронологические изменения в развитии керамики в тех случаях, когда для этого представляется возможность.

Керамика северного холма Анау, особенно расписная, представлена сравнительно ограниченным числом образцов.

Среди сосудов первой группы (с полихромной росписью) мы находим чаши с фризами, содержащими роспись типа I (табл. VIII, 7), типа II (табл. VIII, 6) и типа III (табл. VIII, 12). Кроме того, видимо, представлена роспись типа IV (табл. VIII, 31) и типа VI (табл. VIII, 4, 13).

Среди керамики второй группы (с монохромной росписью) можно отметить роспись типа III (табл. VIII, 10), типа VII (табл. VIII, 5) и типа IX (табл. VIII, 30). Особенно интересен фриз чаши с изображением креста, повторяющего аналогичный рисунок на посуде с полихромной росписью (табл. VIII, 5), рядом с которым расположены шловидные линии (четверть креста) и части контурных крестов, близко напоминающие орнаменту керамики геоксюрского стиля. Из других мотивов росписи следует отметить фигуры прямоугольников, заполненных прямыми или волнистыми линиями (табл. VIII, 11, 29), и три контурных треугольника, соединенные в пирамидовидную фигуру, широко распространенную в росписи посуды раннего Намазга III (табл. VIII, 2). Возможно, наличие этого черепка связано с тем, что в какой-то части верхнего слоя северного холма Анау мы имеем культуру остатков раннего Намазга III (слой Кара I Б по стратиграфии Кара-Дене).

К третьей группе по цветовой гамме следует отнести один фрагмент чаши, орнаментация которой стилистически близка описанному выше образцу.

Среди керамики четвертой группы наибольшим разнообразием форм отличаются сосуды, покрытые красным ангобом, а иногда и превосходным по качеству лощением. Известны полусферические чаши (табл. VIII, 25), чаши с перегибом (табл. VIII, 25), конические чаши с перегибом, иногда довольно значительным у венчика (табл. VIII, 21), и без него (табл. VIII, 22), горшковидные сосуды (табл. VIII, 27). Отмечены и высокие конические дощца (табл. VIII, 28). Серая керамика превосходного качества изготовления, иногда производящего впечатление применения какого-либо поворотного инструмента (Schmidt, 1938, стр. 153), представлена полусферическими чашами, чашами с ребром и коническими чашами с перегибом у венчика (табл. VIII, 21, 23, 26). Отмечены фрагменты серой керамики с простой орнаментацией врезанными линиями (табл. VIII, 15). Подобным образом орнаментированная серая посуда известна в комплексах Намазга III, и, воз-



можно, ее обнаружение на северном холме Анау связано с наличием здесь какого-либо строения этого времени, что уже отмечалось выше.

К пятой группе керамики относятся кухонные котлы двух типов: шаровидной формы с венчиком, образованным лишь утолщением стенок (табл. VIII, 19), и с вертикально поднятым венчиком, образующим невысокое горлышко (табл. VIII, 20).

Керамика с Кара-Дене у Артыка представляет собой наиболее значительный первый комплекс норы развитого энеолита и позволяет наметить хронологические этапы внутри этого периода. Основным материалом происходит из раскопа 1, где к рассматриваемому времени относятся слои Кара 2, Кара 3 и Кара 4.

Для наиболее раннего из них слоя Кара 4 первой группы характерно решительное преобладание посуды первого типа с полихромной росписью. Черепки таких сосудов составляют 62% учтенной расписной керамики. Ведущими орнаментами являются тип IV (табл. XVI, 4) и тип VI (табл. XVI, 1, 3). Из фризových орнаментов можно отметить роспись типа I (табл. XV, 1, 9), типа VII (табл. XV, 2, 5), роспись косыми прямыми линиями, оформленными через одну волнистым краем (табл. XVI, 22), и фриз со схематической человеческой фигуркой (табл. XVI, 7).

Посуда второй группы представлена фрагментом чаши с росписью типа V и обломками сосудов со схематическими фигурками козлов, среди которых можно отметить композицию типа X (табл. XVI, 26, 27).

Посуды третьей группы еще относительно много в отличие от более позднего слоя Кара 3 (29% учтенной расписной керамики). Первое место в ней занимают глубокие баночные сосуды, расписанные треугольными шевронами, которые иногда сопровождалась еще дополнительными элементами (табл. XVI, 25). Отметим также горшковидный сосуд (табл. XVI, 24), небольшую чашечку с перегибом стенок, расписанную двойными горизонтальными зигзагами (табл. XVI, 31), и четырехугольный сосуд — «садатипцу» (табл. XVI, 23).

Среди керамики четвертой группы выделяются краснолощенные и красноангобированные сосуды (чаши с перегибом и без него), горшковидные сосуды с отогнутым венчиком (табл. XVI, 29, 30, 34) и более редкие серые, представленные исключительно горшковидными сосудами (табл. XVI, 32, 33).

В слое Кара 3 посуда первой группы уже составляет 31% учтенных образцов расписной керамики. Для нее могут быть отмечены орнаменты типа V, VIII, IX и X. На горшковидных сосудах отмечена также роспись типа VI (табл. XIV, 14). Особенно характерной можно считать роспись типа IX (табл. XIV, 10, 17). Ее составной элемент — узкая полоса, заполненная зетовидными отрезками, — употребляется в различных других сочетаниях, например в виде вертикального элемента (табл. XIV, 3). Иногда зетовидные линии изображаются в крупном масштабе (табл. XIV, 6). Встречено также линейно-схематичное изображение козла (табл. XIV, 13). Кроме керамики типа Намазга II, в этом слое найден фрагмент сосуда с полихромной росписью геоксюрского типа (табл. XIV, 7), скорее всего попавший на Кара-Дене с какого-либо из поселений восточной области.

Посуда второй группы переживает в пору Кара 3 время своего наибольшего расцвета. Здесь мы находим орнаменты и композиции почти всех типов, выделенных для данной группы. Особенно широко распространены орнаменты типа I (табл. XIII, 4, 25), типа II (табл. XIII, 12,

27), типа V (табл. XIII, 14, 31), типа IX (табл. XIII, 13) и типа X (табл. XIII, 6, 10). Отметим также роспись типа IV (табл. XIII, 23) и типа III (табл. XIII, 32). Схематичные фигурки козлов вводятся в орнаменты росписи типа I и IV, но известны и в иных композиционных сочетаниях. Таковы козлы, расположенные в двух горизонтальных поясах, идущих друг над другом (табл. XIII, 28). В другом случае изображение козла (двухголового?) мы находим на внутренней росписи открытой конической чаши, поверхность которой, видимо, была разделена орнаментальными поясами на сегменты (табл. XIII, 29). Укажем также фигуру козла, помещенного внутри ромба (табл. XIII, 9), и фигуру животного предельной схематизации, туловище которого передано не изогнутой, а прямой линией (табл. XIII, 33). В последнем случае как будто изображено и вымя. Из геометрических мотивов следует отметить пучки вертикально направленных изломанных линий (табл. XIII, 26) и линии с волнисто оформленным краем (табл. XIII, 8), представляющие как бы изгибание более ранних традиций расписной керамики.

К числу керамики третьей группы (с росписью на красном фоне) относится несколько фрагментов глубоких баночных сосудов с росписью треугольными шевронами, а из числа посуды четвертой группы наиболее обычны крупные краснолощенные сосуды горшковидной формы с отогнутым венчиком.

В слое Кара 2 первая группа керамики (с полихромной росписью) исчезает почти полностью. Она представлена лишь фрагментом открытой конической чаши с внутренней росписью VIII типа. Другой найденный в этом слое фрагмент керамики с двухцветной росписью принадлежит к посуде геоксюрского типа и для Кара-Дене скорее всего является привозным (табл. XIII, 3).

Керамика второй группы (с монохромной росписью) в слое Кара 2 решительно преобладает; наиболее обычна роспись IV и VIII типов (табл. XII). Встречаются также чаши с росписью X типа. Фигуры козлов, изображаемые в композициях IV и иногда VIII типов, линейно-схематичны — всегда изображены четыре ноги (непрофильное изображение в отличие от керамики Намазга III), небольшой хвост загнут вверх, иногда как бы изображается вымя (табл. XII, 25, 27). В одном случае между рогами животного проведены поперечные черточки (табл. XII, 17), что, возможно, отражает стремление к стилизации фигуры под стиль росписи. Узкие полосы, заполненные поперечными черточками или отрезками волнистых линий, составляют одну из характерных черт керамики Кара 2. Иногда фриз чаш заполнен орнаментом, образованным из сочетания таких линий. Отмечена роспись V типа на мисках и X типа на небольших горшочках. Из других мотивов можно отметить членение поверхности сосудов на панно пучками вертикально направленными изломанными линиями (табл. XII, 31), фигуры квадратов или ромбов, заполненные заштрихованными треугольниками (табл. XII, 8, 31) или солярными кругами (табл. XII, 12). Такие мотивы, как треугольник, заполненный внутри мелкими контурными треугольниками (табл. XII, 16), и заштрихованный прямоугольник, наискось перечеркнутый двойной линией (табл. XII, 9), близки уже к росписи раннего Намазга III (тип Кара I Б). Отметим фрагмент чаши с росписью типа III, где внутри контурных треугольников помещены фигуры полукрестов (табл. XII, 20), — мотив, возможно появляющийся под влиянием керамики геоксюрского типа. Схематичный рисунок креста, встреченный на другом фрагменте (табл. XII, 24), не похож ни на кресты геоксюрской керамики, ни на фигуры крестов, встреченных на

других объектах керамики типа Намазга II. Следует отметить также небольшой горшочек, украшенный росписью пятнами (табл. XII, 1).

Четвертая группа представлена в слое Кара 2 крупными горшковидными сосудами с отогнутым наружу венчиком.

Второй комплекс керамики развитого энеолита происходит из шурфа I, начатого в 1952 г. (Куфтин, 1956; там он именуется шурфом 2) и окончено в 1955 г. (В. Массон, 1961б). Здесь не были выявлены четкие остатки строительных комплексов и поэтому материал фиксировался по условным ярусам, равным 0.5 м. Отдельные черенки второй группы встречались уже в X ярусе наряду с керамикой типа Намазга III. Материал XI яруса, в основном содержащий керамику типа Намазга II, содержит вместе с тем примесь посуды типа Намазга III. Возможно, где-то в пределах этого яруса проходила граница, разделяющая два строительных периода. Посуда развитого энеолита из XI яруса представлена главным образом керамикой второй группы (с монохромной росписью). Отметим орнамент типа X (табл. XIV, 21). Керамика XII—XIII ярусов, в основном весьма значительная коллекция из XII яруса, представляет собой ближайшую аналогию комплексу Кара 3 на раскопе 1. Среди посуды первой группы можно указать на типы росписи III (табл. XIV, 23), IX (табл. XIV, 38) и X (табл. XV, 8). Преобладает керамика второй группы с такими типичными орнаментальными композициями, как тип I (табл. XII, 6), тип V (табл. XV, 37), тип IX (табл. XIV, 24) и тип X (табл. XV, 17). Встречаются характерные линейно-схематичные изображения козлов (табл. XIV, 25). Отметим также мотивы, как соединенные вершинами треугольнички с фигурой полукреста внутри (влияние геоксюрского типа керамики) и с солярными кругами между ними (табл. XV, 21), косые линии с бахромой (табл. XV, 22). Видимо, к комплексу XII—XIII ярусов следует относить также два сосуда из двойного погребения, расчищенного в XIV ярусе (табл. XV, 43, 44).

Керамика XIV—XV ярусов может быть сопоставлена с находками из слоя Кара 4. Здесь резко преобладает посуда первой группы (27 черенков из 33 фрагментов расписной керамики). Наиболее характерной является роспись типа VI (треугольные шевроны) (табл. XV, 46) и роспись типа IV (табл. XV, 25, 45) и V (табл. XVII, 1). Фризная роспись встречается сравнительно редко (табл. XIV, 35). Интересна роспись зигзагами, видимо перемежающаяся с треугольными шевронами (табл. XV, 7, 15). Этот вид орнамента встречается и на посуде второй группы (табл. XV, 49). Керамика четвертой группы представлена венчиками крупных краслоощенных горшковидных сосудов (табл. XV, 42) и плоскими сосудами, разделенными поперечной перегородкой на две части и покрытыми красным ангобом (табл. XIV, 18).

Начиная с XVI яруса в шурфе идут слои с керамикой раннего энеолита типа Намазга I. Однако в XVII ярусе было найдено два черенка с полихромной росписью типа Намазга II; один такой черенок встречен в XVIII ярусе. Может быть, они перемещены из более верхних слоев, а может быть, эти находки отражают какие-то еще неясные нам особенности генезиса керамики с полихромной росписью.

Третий комплекс керамики развитого энеолита на Кара-Дене происходит из траншеи на раскопе 5, где, как уже отмечалось, были расчищены остатки построек из сырцового кирпича. Но типам сосудов этот комплекс близок слою Кара 4 и, надо полагать, одновременен с ним или с предшествующим ему слоем в раскопе 1, который,

видимо, также относится к развитому энеолиту. Подсчет найденных в этих слоях раскопа 5 фрагментов керамики можно обобщить в виде табл. 2.

Таблица 2  
СООТНОШЕНИЕ КЕРАМИЧЕСКИХ ГРУПП В РАСКОПЕ 5

Группа	Вид керамики	Количество черепков	Процент
Первая Вторая Третья	С полихромной росписью . . . . .	30	—
	С монохромной росписью . . . . .	5	—
	С росписью на красном фоне . . . . .	25	—
	Всего расписной . . . . .	60	180%
Четвертая	Краснолощенная и красноангобированная . . . . .	28	—
	Кухонные котлы . . . . .	87	—
	Толстостенные сосуды . . . . .	160	—
	Всего нерасписной . . . . .	275	820%
	Всего . . . . .	335	1000%

Как видно из этой таблицы, в раскопе 5 вовсе не была найдена серая керамика, но пока трудно судить, является это обстоятельство случайным или нет. Среди расписной посуды керамика первой группы составляет 50%, в то время как посуда второй группы — менее 10%. Керамика с полихромной росписью представлена композициями типа II (табл. VIII, 41), типа III (табл. VIII, 38, 39), типа IV (табл. VIII, 34, 35) и типа VII (табл. VIII, 40). Интересна схематичная фигурка человека (табл. VIII, 32), рядом с которой, видимо, имелось изображение креста. Аналогичные фигуры людей лучшей сохранности известны на керамике, найденной в Геоксюрском оазисе (табл. XVIII, 2). Краснолощенная и красноангобированная посуда четвертой группы представлена полусферическими чашами (табл. VIII, 47) и, видимо, чашами с перегибом (табл. VIII, 48, 50). Венчики кухонных котлов (табл. VIII, 49) и хумов (табл. VIII, 51) обычны для комплекса Намазга II.

Незначительная коллекция керамики типа Намазга II, обнаруженная в шурфе в раскопе 2 в западной части Кара-Дене (табл. XVI, 20—21), не заслуживает специального описания.

Керамика Намазга-Дене представлена двумя комплексами, происходящими из шурфов. Первый из них — группа посуды из шурфа I (на месте раскопа 1949—1950 гг., так называемый «шурф ЮТАКЭ»), где керамика типа Намазга II встречена в XVIII—XXII ярусах. Как уже отмечалось, строительные комплексы в шурфе выявить не удалось; однако если рассматривать керамику этого шурфа в сравнении с кара-денинским материалом, то можно говорить о них, как будто о двух хронологически различных комплексах. К первому из них следует отнести керамику XIX—XXI ярусов. Здесь заметно преобладают сосуды первой группы. В росписи преобладают композиции типа I (табл. XVII, 26), наряду с которыми существуют также орнаменты типа III (табл. XVII, 47) и типа IV (табл. XVII, 57). Отметим употребление бахромчатых линий в росписи типа III (табл. XVII, 55). Среди редких мотивов заслуживает упоминания чаша, расписанная тремя рядами горизонтальных линий с волнисто оформленным краем (табл. XVII, 36),

поскольку обычно в композициях встречаются лишь вертикальные отрезки таких линий. Керамика второй группы представлена несколькими фрагментами с росписью не вполне ясной композиции (табл. XVII, 53, 56), венчиком чаш с пересекающимися дугообразными линиями, как бы воскрешающими традиции раннего энеолита (табл. XVII, 58), и целой чашей с четырьмя параллельными линиями, идущими вдоль венчика (табл. XVII, 38). Этот последний мотив скорее всего является подражанием росписи ялангачской посуды, характерной для памятников восточной области. Однако данная чаша по форме отлична от керамики ялангачского типа и скорее всего является произведением намазганских гончаров. В XVIII—XXI ярусах были обнаружены и красполющенная (табл. XVII, 43) и серая (табл. XVII, 33) посуда, а также венчики толсто-стенных хозяйственных сосудов с большой примесью в тесте крупнорубленой соломы (самана).

Число фрагментов керамики, происходящих из XVIII яруса, незначительно по количеству, но здесь вполне определенно выступают новые черты: количественно преобладает посуда второй группы с монохромной росписью; для поздних слоев Кара-Депе характерны композиция IX (табл. XVII, 76) и такой элемент, как параллельные полосы, заполненные внутри зетовидными фигурами (табл. XVII, 9).

Те же два комплекса — ранний и поздний — можно как будто выделить и в материалах шурфа 5, где в верхних слоях обнаружен перемешанный намывной материал, включающий, помимо энеолитической, также и средневековую керамику. Посуда из XV—XIX ярусов образует превосходный комплекс керамики первой группы развитого энеолита, к которой, однако, примешано известное количество черепков сосудов типа Намазга I. Роспись этой керамики представлена типом I (табл. XVII, 8, 14; наиболее характерным), типом II (табл. XVII, 22), типом III (табл. XVII, 4, 79), типом IV (табл. XVII, 31), типом V (табл. XVII, 11) и типом VI (табл. XVII, 63). Весьма характерны для посуды нижних слоев (XVIII—XIX ярусы) треугольные фигуры, внутри разделенные на мелкие треугольники, закрашенные в шахматном порядке (табл. XVII, 5). Из редких мотивов отметим заполнение фриза косой сеткой с точками внутри ячеек этой сетки (табл. XVII, 73).

Посуда из XIII—XIV ярусов при сохранении таких старых типов орнаментации, как II (табл. XVII, 72), V (табл. XVII, 30) и, видимо, IV, отличается и новыми композиционными схемами — типом VIII (табл. XVII, 61) и типом IX (табл. XVII, 6), появляющимися в верхних слоях Кара-Депе.

Хронология отдельных типов керамики и к и может быть дана на основании сопоставления всех стратиграфических комплексов, охарактеризованных выше. Наибольшие возможности для изучения временных изменений внутри различных видов керамики представляет большой материал, полученный на раскопе I на Кара-Депе. Другие комплексы керамики, найденные на Кара-Депе, можно следующим образом сопоставить со слоями раскопа I.

Шурф 1, XV—XIV ярусы — Кара 4  
Шурф 1, XIII—XII ярусы — Кара 3  
Шурф 1, XI—X ярусы — Кара 2

Следует оговориться, что не вполне ясной остается граница между керамикой типа Намазга II и Намазга III в пределах шурфа 1. С одной стороны, согласно материалам Б. А. Куфтина, уже в X ярусе встречаются отдельные

черепки позднего энеолита; с другой стороны, нередко обнаруживается явно ранняя керамика и в IX ярусе. Керамика типа Намазга II, найденная в раскопе 5, несомненно относится к раннему времени и скорее всего должна быть сопоставлена с комплексом Кара 4. Однако она отличается от полихромной посуды из слоя Кара 4 и из XIV—XV ярусов шурфа большим развитием фризовой росписи и незначительной ролью росписи треугольными шевронами с внутренними заполнениями (тип VI), будучи ближе всего в этом отношении к посуде из шурфов Намазга-Депе. Возможно, этот комплекс относится к более раннему времени, чем посуда типа Кара 4, ибо, как уже отмечалось ранее, слой Кара 5, все еще не вскрывавшийся в широких масштабах, тоже относится ко времени среднего энеолита.

Материалы Анау не представляют возможностей для выделения этапов внутри комплекса типа Намазга II. Сравнение материалов, происходящих с Намазга-Депе, с кара-депеской стратиграфией позволяет говорить о выделении слоев раннего Намазга II (XIX—XXI ярусов шурфа 1 и XV—XIX ярусов шурфа 5) и позднего Намазга II (XVIII яруса шурфа 1 и XIII—XIV ярусов шурфа 5). Таким образом, уже сейчас есть основание для выделения в пределах бытования комплекса типа Намазга II по крайней мере двух этапов: времени раннего Намазга II и времени позднего Намазга II. Такое разделение подтверждается и раскопками поселений восточной области, где время раннего Намазга II характеризуется посудой ялангачского типа, а время позднего Намазга II — керамикой геоксюрского типа. Распределение по выделяемым комплексам различных типов расписной керамики может быть представлено в виде табл. 3 и 4.

Таблица 3  
КЕРАМИКА ПЕРВОЙ ГРУППЫ (С ПОЛИХРОМНОЙ РОСПИСЬЮ)

Тип	Анау	Кара-Депе			Намазга-Депе		Геоксюрский оазис		
		Кара 2	Кара 3	Кара 4	верхние слои	нижние слои	Геоксюр I (сл. 6)	Ялангаз	Музалин
I				+		+	+	+	+
II	+			+		+	+	+	+
III				+		+	+	+	+
IV				+		+	+	+	+
V			+	+		+	+	+	+
VI	+		+	+		+		+	+
VII				+				+	
VIII		+	+		+				
IX			+		+				
X			+						

Примечание. Крестиками здесь и в табл. 4 обозначено наличие керамики.

Дадим краткую характеристику керамики развитого энеолита по выделяемым этапам.

1. Время раннего Намазга II. Сюда относятся комплекс типа Кара 4 и нижние слои шурфов Намазга-Депе. Среди расписной посуды решительно преобладает керамика с полихромной росписью. Но материалом раскопа 5, на Кара-Депе она составляет 50 % всей расписной керамики. Характерными орнаментальными композициями посуды первой группы являются типы I—VI, в большинстве своем исчезающие в более поздних комплексах. Возможно, этот факт объясняется также территориальными различиями. Так, для керамики Намазга-Депе особенно показательны фризы с росписью

Таблица 4

## КЕРАМИКА ВТОРОЙ ГРУППЫ (С МОНОХРОМНОЙ РОСПИСЬЮ)

Тип	Кара-Депе			Намазга-Депе		Геоксюрский оазис				
	Анау	Кара 2	Кара 3	Кара 4	верхние слои	нижние слои	Геоксюр I (с. 101 б)	Ялагач	Муллап	Алча
I										
II										
III		+					+		+	
IV		++								
V		+					+			
VI		+								
VII	+									
VIII		+								
IX	++				+		+		+	
X	+									

типа I (известно 8 образцов), тогда как на Кара-Депе они крайне редки (в коллекции более значительной, чем намазгинская, всего 2 образца). Наоборот, на Кара-Депе нередки рисунки крестов (тип VII), пока на Намазга-Депе не встреченных. Одной из особенностей росписи намазгинской посуды является мотив треугольных фигур, разделенных внутри на мелкие треугольнички и закрашенных в шахматном порядке. Судя по имеющимся материалам, керамика с полихромной росписью с Анау относится именно к поре раннего Намазга II. В целом для росписи на посуде этой группы характерны нестреловидные фризы и треугольные шевроны, заполненные измельченными геометрическими фигурами, среди которых первое место занимают треугольнички. Контурные треугольнички, столь обычные в росписи на посуде раннего неолита, встречаются редко; их заменяют треугольнички заштрихованные или с сетчатым заполнением.

Посуда второй группы в это время занимает весьма небольшое место (8% в общей массе расписной керамики), причем представлена незначительными фрагментами, не позволяющими с уверенностью судить об ее стилистических особенностях.

Наличие посуды третьей группы (с росписью по красному фону) несомненно отражает сохранение традиций раннего неолита. Весьма показательна в этом отношении такая архаическая форма, как «салатница». Такие сосуды пятой группы, как, например, толстостенные хумы, также восходят к традициям посуды комплекса Намазга I.

2. Время позднего Намазга II. Сюда относятся комплексы Кара 2 и Кара 3 и материалы из верхних слоев шурфов на Намазга-Депе. Постепенную эволюцию различных типов керамики можно проследить по материалам Кара-Депе, как основным в последующем изложении. В слое Кара 3 мы наблюдаем постепенное вытеснение посуды первой группы керамикой с монохромной росписью. На сосудах с полихромной орнаментацией из старых видов орнаментации сохраняются тип V и тип VI, причем последний (треугольные шевроны) отмечен уже не для росписи чаш (что было характерно для слоя Кара 4), а в орнаментации горшкovidных сосудов. Вместе с тем появляются и новые виды орнаментации (типы VIII, IX, X), из которых особенно следует отметить разделение фриза на крупные зетовидные фигуры (тип VIII). Этот мотив, перейдя на посуду с монохромной росписью, станет ведущим для слоя Кара 2. Посуда второй группы в слое

Кара 3 по типам орнаментации в ряде случаев является повторением керамики первой группы. Вся разница заключается лишь в том, что исчезает второй цвет. Таковы типы росписи III, V, VI и X. Тип X, например, впервые появляющийся в слое Кара 3, известен по образцам как первой, так и второй группы. В других случаях отдельные мотивы росписи керамики первой группы полностью переходят в орнаментальные композиции посуды с монохромной росписью. Вместе с тем ряд композиций характерен исключительно для посуды второй группы (типы I, II, IX). Особенно показательным для керамики Кара 3 является мотив IX — членение поверхности сосудов горизонтальными поясами, которые заполнены вертикальными черточками или зетовидными фигурами. В целом орнаментика сосудов из слоя Кара 3 сохраняет общий характер росписи раннего этапа Намазга II, по в ряде случаев как бы становится упрощенной. Некоторые изменения в слое Кара 3 наблюдаются и в формах сосудов. Несколько тяжеловесные чаши раннего периода становятся более вычурными, стенки их тоньше, а сами сосуды изящнее.

Слой Кара 2 характеризует заключительный комплекс времени позднего Намазга II. Посуда с полихромной росписью практически в это время уже не изготавливается. Ведущим видом композиции в группе керамики с монохромной росписью становится тип VIII, наряду с которым широко распространена орнаментация типов X и IV. Схематические фигурки козлов часто изображаются на сосудах различных видов и в разных композиционных сочетаниях. Эти фигурки наряду с зетовидной композицией орнамента являются второй характерной особенностью комплекса Кара 2. Обычно у козлов изображены четыре ноги, и в этом отношении, помимо прочих иконографических особенностей, они существенно отличаются от «двуногих», профильных козлов на керамике типа Намазга III. Наряду с продолжением старой традиции «геометрической измельченности», которая восходит еще к Кара 4, хотя и становится со временем все суше и упрощенней, появляются новые виды орнаментации — солярные круги, заштрихованные прямоугольнички, перечеркнутые наискось прямой линией, фигуры полукрестов внутри треугольничков, — как бы предвосхищающие формирование комплекса типа Кара 1 Б, относящегося уже ко времени раннего Намазга III. Часто один из этих мотивов, видимо, появляется под влиянием керамики геоксюрского типа, если только не имелся какой-то общий источник воздействия на керамическую орнаментацию поселений и западной и восточной областей Южной Туркмении. Во всяком случае, в слое Кара 2 имеются фрагменты типичной геоксюрской керамики, впервые проскакивающей на Кара-Депе, видимо еще в пору Кара 3.

Материал с Намазга-Депе, характеризующий время позднего Намазга II, к сожалению, настолько фрагментарен, что пока трудно говорить о каких-либо локальных особенностях. То, что известно, практически мало отличается от материалов с Кара-Депе. То, что известно с северного холма Анау, позволяет прийти к аналогичному заключению — с той оговоркой, что в Анау, как отмечалось выше, видимо, имеется еще керамика типа Кара 1 Б. Однако по это время северный бугор Анау является единственным памятником, в котором посуда с монохромной росписью имеет мотив креста, образованного четырьмя треугольничками (тип VII). Такова краткая общая характеристика эволюции керамики типа Намазга II. Правда, как можно было видеть, эта эволюция в основном намечается на основании изучения расписной керамики, в количественном отношении значительно уступающей посуде, лишенной рос-

писи. Однако подобное явление объясняется не только тем, что расписная керамика лучше изучена, но и тем, что в ряде случаев она лучше коллекционировалась, чем грубые сосуды, лишённые орнамента. Именно расписная керамика (первой и второй группы по нашей классификации) оказывается наиболее чувствительной к временным изменениям, тогда как формы и виды грубой неорнаментированной посуды остаются неизменными на протяжении значительного отрезка времени. Неизвестно, были ли у обитателей Анау, Кара-Депе и Намазга-Депе определённые циклы существования посуды данного вида, как у ацтеков: там после окончания цикла посуда старых видов подлежала уничтожению. Во всяком случае, вкусы и моды изменялись достаточно заметно, чтобы можно было уловить внутреннюю хронологию отдельных видов и типов расписных сосудов.

Керамика типа Намазга II найдена не только на поселениях западной области: фрагменты такой посуды встречаются и при раскопках восточных поселений, где наиболее значительная коллекция, обнаруженная на поселении геоксюрской группы, заслуживает специального рассмотрения.

Рассмотрим сначала находки интересующей нас керамики на памятниках ялангачского периода. Эти находки были сделаны в слоях 4—7 поселения Геоксюр I, общая мощность которых около 4,5 м (Саринаиди, 1960, 1961), на поселении Ялангач-Депе (Хлопни, 1961, 1962), на поселении Муллали-Депе (Адыков, В. Массон, 1960; Хлопни, 1962) и на поселении Акча-Депе (Саринаиди, 1962). Все находки в слоях 4—7 поселения Геоксюр I представлены главным образом керамикой первой группы (полхромной росписью), причем наиболее значительная коллекция (11 образцов) обнаружена в слое 6. Здесь представлены орнаменты I, III и IV типов (табл. XVIII, 20—23). Несколько необычна чаша, фриз которой разделен на панно с фигуркой козла, — тип, представленный на Кара-Депе лишь в керамике второй группы (тип IV). Отличие росписи геоксюрского образца является излом туловища животного под углом и зубцы на рогах, видимо передающие их бугристость. Наоборот, фигурка козла на фрагменте из слоя 4 очень близка аналогичным изображениям на кара-депинской керамике. На Ялангач-Депе при вскрытии первого и особенно второго строительного горизонта было найдено большое число фрагментов керамики первого типа, принадлежавших по крайней мере 30 сосудам. Здесь широко представлены различные варианты росписи типа I (табл. XVIII, 1—5) и типа III (табл. XVIII, 6—11). Имеются также сосуды с орнаментом типов IV и VI (табл. XVIII, 12—13). Из редких мотивов можно отметить фриз, заполненный вертикальными отрезками волнистых линий, и чашу, расписанную изнутри и снаружи вертикальными линиями. Типы I, III и IV представлены и в росписи керамики, происходящей с Муллали-Депе (табл. XVIII, 14—18), где к ним добавляется еще роспись типа VII (табл. XVIII, 19). На этом памятнике имеется также посуда второй группы (с монохромной росписью), с орнаментами типов III и IX. Посуда типа Намазга II, происходящая с Акча-Депе, представлена 45 фрагментами (около 7% от общего количества найденной на этом памятнике керамики с росписью). Довольно обычны различные варианты росписи типов I, III, IV и VI. Одним экземпляром представлена (впервые для Геоксюрского оазиса) роспись типа II.

Прежде всего обращает на себя внимание поразительное сходство керамики типа Намазга II, найденной

в Геоксюрском оазисе, с аналогичной посудой, происходящей с памятников западной области. Роспись типов II, IV, VI и VII идентична в обоих случаях. Среди разнообразных вариантов росписи типов I и III на керамике геоксюрских поселений есть ряд образцов, имеющих прямые аналоги в орнаментации сосудов, происходящих с Анау, Кара-Депе и Намазга-Депе. Таковы чаши с изображением людей, фрагменты которых найдены на Ялангач-Депе (табл. XVIII, 2) и на Кара-Депе (табл. XVI, 7), фигуры «двойного топора» (табл. XVIII, 1 и табл. XVII, 8), треугольники «вразбегку», разделенные ломаной линией (табл. XVIII, 9 и табл. XVII, 4), и другие варианты этого мотива (табл. XVIII, 31 и табл. XVII, 55; табл. XVIII, 30 и табл. VIII, 12). В целом посуда с полхромной росписью геоксюрских поселений ближе к керамике Намазга-Депе, чем Анау или Кара-Депе, что заметно по широкому распространению орнаментации типа I, сравнительно редкой на Кара-Депе и весьма часто использовавшейся гончарами Намазга-Депе. Основная масса геоксюрской керамики относится к сравнительно ранним этапам Намазга II, что видно по отсутствию в росписи таких орнаментов, как типы VIII, IX, X (рис. 1). Единственным исключением, возможно, является фрагмент из слоя 4 Геоксюра I, могущий быть приближенным к орнаментам типа VIII.

Вместе с тем геоксюрская керамика отличается в росписи рядом своеобразных черт. В орнаментации типа I таковы линейные рисунки «людей-деревьев», которые И. П. Хлопни (1962) называет «людьми-птицами», встречающиеся на трех памятниках (табл. XVIII, 3, 20, 25); оригинальные рисунки деревьев (табл. XVIII, 14); заполнение рисунком ромбовидных просветов между треугольниками (табл. XVIII, 5, 26, 27). Среди мотивов типа III аналогичным образом выделяются треугольники с ресничками (табл. XVIII, 10) и солярные круги с лучами (табл. XVIII, 11). Совершенно отсутствует в Геоксюрском оазисе роспись дугами (тип V), характерная для мисок. Очень редка роспись типа II, широко распространенная в западной области. На геоксюрских поселениях этот тип представлен единственным фрагментом, происходящим с Акча-Депе.

Наличие этих своеобразных черт имеет известное значение для решения вопроса о происхождении керамики этого типа в Геоксюрском оазисе. Эта керамика резко выделяется среди основной массы местной посуды — ялангачского типа, составляет незначительный процент среди прочих видов расписной керамики (Акча-Депе — менее 7%) и имеет прямые аналоги, доходящие до тождества, в памятниках западной области. Все это заставляет прийти к заключению, что для Геоксюрского оазиса эта керамика является привозной и что места ее производства следует искать на Кара-Депе, Намазга-Депе и других памятниках западной области. Примечательно, что из всех групп керамики типа Намазга II в Геоксюрском оазисе мы находим главным образом сосуды первой группы — преимущественно чаши, чьи нарядные полхромные фризы выделяются среди однообразной орнаментации местной керамики. Возможно, в древности керамика типа Намазга II представляла в Геоксюрском оазисе тип «богатой» и «дорогой» посуды. Попадать в Геоксюрский оазис эта посуда могла различными путями: в результате обмена, в качестве приданого жен, происшедших из родовых объединений западной области, а также в результате прихода в Геоксюрский оазис новых групп населения из района Анау—Намазга-Депе. Показательно, что эта керамика встречена на всех ис-

следовавшихся памятниках ялангачского периода. На Ялангач-Депе, например, большинство сосудов с полихромной росписью было сосредоточено на определенном участке поселения. В свое время расселение родовых групп поры раннего энеолита из области Анау — Намазга-Депе привело к возникновению первых поселений в Геокюрском оазисе (Хлопни, 1961). Наиболее вероятно, что проникновение сюда в пору развитого энеолита керамики типа Намазга II связано с продолжающимся притоком нового населения (Адыков, В. Массон, 1960).

Встает вопрос: чем же объясняется известное своеобразие керамики этого типа, находимой в Геокюрском оазисе? Следует иметь в виду, что в западной области Южной Туркмении известно пока незначительное число памятников развитого энеолита, а именно керамика Намазга-Депе, памятник наиболее восточного (т. е. наиболее близкого к Геокюрскому оазису), обнаруживает больше всего черт сходства с посудой геокюрских поселений. Возможно, открытие новых памятников и, в частности, памятников, расположенных восточнее Намазга-Депе, проливает новый свет на «необычные» мотивы керамики, находимой в Геокюрском оазисе. Вместе с тем нельзя полностью исключать и возможность местного изготовления с полихромной росписью жителями восточной области в подражание привозным образцам. При этом они могли ввести в роспись и какие-то новые элементы, связанные, в частности, с бытующей в их среде мифологией (образ «дерева-человека»).

Ко времени позднего Намазга II, т. е. к тому времени, когда в Геокюрском оазисе распространяется оригинальная полихромная керамика так называемого геокюрского типа, относятся находки посуды типа Намазга II, сделанные на Геокюре I (Сарианиди, 1961) и Геокюре 5 (Адыков, В. Массон, 1960). Эти находки представляют собой исключительно керамику второй группы с монохромной росписью. Наиболее значительный комплекс этой посуды происходит с раскопа I на поселении Геокюр I. В росписи этой посуды имеются орнаменты типов III, IV и IX. В целом эта керамическая группа может быть сопоставлена с керамикой типа Кара 2 и частично Кара 3, причем обнаружены не только близкие аналоги, но в ряде случаев даже прямое тождество мотивов (табл. XIX). Эта керамика принципиально отличается от местной посуды геокюрского типа, которая несомненно превосходит ее своей парадностью. На раскопе I находки посуды типа Кара 2 связаны с определенной группой помещений (вспомним находки полихромной керамики на Ялангач-Депе). Возможно, это есть изделия определенной группы людей, переселившихся на Геокюр из западной области и стойко придерживавшихся собственных традиций в орнаментации и формах изготавливаемой ими керамики, если только эти изделия не прибыли сюда вместе с этой группой людей в качестве домашнего скарба.

Происхождение керамики среднего энеолита может быть рассмотрено в двух противоположных аспектах. Г. Шмидт считал, что посуда с полихромной росписью лежит вне основной линии развития керамики обитателей Анау и производит впечатление импорта из более культурного центра (Schmidt, 1908, стр. 136). Много позднее Д. Мак Каун отмечал, что почти в то же время, что и в Анау, керамика с полихромной росписью получила распространение в Белуджистане (McCown, 1942, стр. 58, примеч. 109). С. Пигготт прямо допускал возможность белуджистанских влияний в Анау (Piggott, 1946, стр. 20; 1952, стр. 75). Наобо-

рот, советские археологи после проведения новых раскопок связывали керамику рассматриваемого периода с более ранними местными традициями (Куфтин, 1954, стр. 28; 1956, стр. 284; В. Массон, 1956б, стр. 310—311).

Для рассмотрения местного генезиса керамики типа Намазга II надо рассмотреть ее в сравнении с более ранними комплексами, т. е. с керамикой типа Намазга I. Нельзя не отметить, что выделенные выше третья и пятая группы посуды среднего энеолита по существу являются продолжением традиций керамики Намазга I (Schmidt, 1908; Хлопни, 1961). Вторая группа, т. е. керамика с монохромной росписью, широко распространяется позднее посуды с полихромной орнаментацией и по существу с ней генетически связана. Таким образом, весь вопрос заключается в выяснении происхождения керамики первой группы, в которой Г. Шмидт признавал предмет импорта. Если мы возьмем семь ранних типов орнаментации полихромной керамики, то для четырех из них, как кажется, можно найти композиционные прототипы в росписи посуды Намазга I (табл. XIX). Там мы видим и противостоящие друг другу треугольники, сомкнутые вершинами, и ряды вертикальных треугольников, и ряды дуг вдоль венчика, и треугольные шевроны, правда, как правило, без заполнения мелкими треугольниками. Наконец, пятый мотив — крест, составленный треугольниками, — мы также находим в росписи времени Намазга I, но не на керамике, а на стене одного из домов Анау (Ершов, 1956, стр. 32). Основное различие заключается в том, что хотя в росписи сосудов Намазга II, как и в пору Намазга I, основным мотивом остается треугольник, этот треугольник, как правило, небольшой и не контурный, а заполненный сеткой или косой штриховкой, что впервые, — правда, в единичных случаях, — отмечается также в пору Намазга I. Таким образом, если рассматривать композицию и мотивы орнаментации, то очевидна несомненная преемственность посуды с полихромной росписью и керамики раннего энеолита. Однако эта преемственность пока может быть прослежена лишь в общей форме, а не в виде единой эволюционной цепи, что, может быть, объясняется отсутствием в известных нам материалах этапов, образующих непосредственный переход от керамики типа Намазга I к полихромной посуде типа Намазга II. Вместе с тем следует отметить, как уже было отмечено на Кара-Депе в двух случаях, что черепки с полихромной росписью впервые появляются в окружении типичного комплекса керамики типа Намазга I, где, казалось бы, ничто еще не предвещает наступления поры среднего энеолита (В. Массон, 1961б; то же было отмечено и при раскопках на Кара-Депе в 1960 г.). Несколькими проще, видимо, решается вопрос о другом отличии керамики среднего энеолита от посуды Намазга I — о введении в роспись второго цвета. Многоцветные росписи украшали стены домов в пору раннего энеолита, когда рисунок на сосудах был еще монохромным (Куфтин, 1956, стр. 274; В. Массон, 1956а, стр. 236). Поэтому введение второго цвета для узоров на посуде не составляло принципиально нового шага в области искусства земледельческих общин юго-запада Средней Азии. Таким образом, рассмотрение керамики среднего энеолита в ее сравнении с более ранней посудой позволяет видеть в ней, в первую очередь, лишь один из этапов эволюции продукции местных гончаров.

Ирано-мезопотамские аналоги. В настоящее время ясно, что возможные аналоги между материалами из северного холма Анау и росписной кера-

микой северного Белуджистана восходят в основном к материалам типа Намазга II и скорее всего связаны с влияниями, идущими с юга Средней Азии в Белуджистан (В. Массон, 1961б). Материалы южного Белуджистана, где была распространена керамика с полихромной росписью типа Амри, практически не дают аналогий расписной посуде среднего энеолита (сам факт наличия полихромной орнаментации еще ничего не говорит, тем более что цветовая гамма посуды Амри много богаче и разнообразнее). То же самое следует сказать и относительно великолепной керамики с полихромной орнаментацией северной Месопотамии халафского времени. Здесь мы видим более развитые и более разнообразные формы сосудов, принципиально иные типы композиций орнамента, отличный состав элементов и мотивов, образующих эти композиции (ромбы с сетчатым заполнением, горизонтальные ряды волнистых линий, буквари и т. н.). Мотив треугольников, соединенных вершинами (так называемый мотив «двойного топора»), широко распространен в росписи халафской посуды и среди бус-амулетов. в комплексах типа Намазга II встречается относительно редко и в иных композиционных сочетаниях. Отдельные аналогии — например, наличие композиций типа III на посуде с полихромной росписью в Гавре XX — могут иметь чисто случайный характер. То же самое в значительной мере относится и к комплексам северного и южного Убейда (включая тип раннего Эриду), где наибольший интерес для нашей темы представляет мотив креста, образованного четырьмя треугольниками (ср. наш тип VII и стенную роспись в слоях раннего энеолита в Анау). Все это, учитывая значительную удаленность областей юго-западной Средней Азии от долин Тигра и Евфрата, не является сколько-нибудь неожиданным.

Большой интерес представляют ирано-среднеазиатские аналогии, поскольку географическая близость здесь открывала широкие возможности для культурных контактов и передвижений отдельных племенных групп. Но и здесь мы в первую очередь наблюдаем явления различия. В центральном Иране, где соответствующие материалы дали раскопки Спалка (Ghirshman, 1938), совершенно отсутствуют какие-либо виды посуды с полихромной росписью вплоть до начала III тысячелетия до н. э. (Спалк IV), что линией раз подчеркивает своеобразие нашей керамики первой группы. Отдельные аналогии могут быть указаны в ряде мотивов геометрической орнаментации посуды Спалка II и Спалка III (табл. XX), что, в частности, не позволяет согласиться с Р. Гиршманом, снижающим северное поселение Анау в целом с Спалком I (Ghirshman, 1938, стр. 105). Если говорить о различиях, то весьма существенно они проявляются в манере изображения козлов, будь то условные фигуры Спалка II или более реалистические животные Спалка III.

Наибольший интерес, пожалуй, представляют аналогии рассмотренной керамики среднего энеолита с материалами Элама, где в последнее время были выявлены комплексы более ранние, чем получившие всемирную известность Сузы I (Le Breton, 1947). Эти комплексы именуется одними исследователями Джафарабад, Джови, Бендебаль (McCown, 1954), другими — Сузианой *a, b, c* и *d* (Le Breton, 1957). Новая стратиграфия выглядит следующим образом:

Тип Джафарабад (Сузиана *a*) = Джафарабад, слон от 6 до 3,5 м  
 Тип Джови (Сузиана *b* и *c*) = Джафарабад, 2—3,5 м, Джови, Бендебаль, от 2 до 6 м  
 Тип Бендебаль (Сузиана *d*) = Бендебаль, 2—0 м, Бухаллан  
 Тип Сузы А (Сузы I) = Джафарабад, 0—2 м

К сожалению, соответствующие слои были пройдены главным образом в небольших шурфах, а материал в основном издан не по слоям, а в обобщенном виде. Тем не менее совершенно ясны близкие параллели между комплексом типа Джови и керамикой типа Намазга II (В. Массон, 1961б). Эти аналогии касаются целого ряда геометрических мотивов (в том числе такого весьма характерного, как зетовидные отрезки между параллельными линиями) и фигур козлов, выполненных в той же линейно-схематической манере, что и козлы на керамике типа Намазга II (табл. XX). Правда, мы не находим в Джови посуды с полихромной росписью, но многие из приведенных аналогий с посудой типа Намазга II (и в первую очередь фигуры козлов) относятся также к керамике с монохромной орнаментацией. О широком распространении комплексов типа Джови на территории Элама свидетельствуют находки в районе Маламира (Stein, 1940, стр. 134—136, табл. II—III), где мы опять видим и линейно-схематичные фигуры козлов, и зетовидный орнамент между параллельными линиями. Если вспомнить, насколько различны изображения козлов Спалка и южно-туркменских комплексов, то эламские аналогии керамике типа Намазга II приобретают особый интерес. Возможно, они свидетельствуют о направлении древних культурных связей, минуя оазисы центрального Ирана, известные по раскопкам Спалка.

При всем том нельзя не отметить, что керамика с полихромной росписью типа Намазга II остается на общем фоне известного материала глубоко своеобразным явлением. Лишь отдельные мотивы росписи могут найти себе параллели в посуде с монохромной росписью известных иранских памятников. Это может свидетельствовать о правильности поисков ее истоков в пределах юго-запада Средней Азии, может быть с присоединением сюда также областей иранского Хоросана, археологически еще мало изученных, но, судя по имеющимся материалам, обладавших культурой, весьма близкой к культуре раннеземледельческих общин Южного Туркменистана.

Другие виды предметов материальной культуры поры развитого энеолита представлены значительно меньшим количеством образцов по сравнению с керамикой и поэтому могут быть охарактеризованы лишь в общем виде, без выделения хронологических этапов в пределах рассматриваемого времени. Возможно, это объясняется и тем, что, например, формы каменных и медных изделий более консервативны и не так скоро изменяются, как это имело место для различных видов расписной керамики.

## ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕДИ

Изделия из меди известны по материалам Анау и Кара-Дене. Число их сравнительно невелико, но, как отмечали исследователи, весьма вероятно, что сломанные изделия из меди не выбрасывались, подобно кремневым орудиям, а шли в переплавку (Чайлд, 1956, стр. 183). Во всяком случае, практическое отсутствие в культурных слоях развитого энеолита кремневых изделий свидетельствует о большом значении медных орудий, которые их полностью заменили. Наиболее обычны четырехугольные в сечении проколки или пробойники (табл. X, 14, 15, 18, 19). Иногда такие проколки, вероятно, имели какую-то головку для удобства изготовления (табл. X, 20), однако обычно они, видимо, насаживались на деревянную рукоятку. Длинная проковка, найденная на Кара-Дене (табл. X, 24), сохранила на одном из концов следы дерева. Труднее судить о назначении изогнутого на конце стержня, найденного

в погребении на Кара-Депе (табл. X, 23). И в Анау, и на Кара-Депе обнаружены небольшие пирамидальные головки булавок (табл. X, 16, 17), однако целые булавки такой формы пока еще не известны. Возможно, к числу предметов украшения принадлежит поделка из витой проволоки, найденная в Анау (табл. X, 13), именуемая иногда ожерельем (Schmidt, 1908, стр. 115). Из Анау происходит и плоский нож или наконечник дротика (табл. X, 21). Плоские наконечники дротика этого времени, найденные на Ялангач-Депе (Хлопни, 1958, 1961), отличаются от анауской находки и отсутствием выделенного черешка. Анализ металла этого предмета дал следующую картину: меди — 98,27%, свинца — 0,55%, сурьмы — 0,37%, мышьяка — 0,68%, железа — следы (Pumpelly, 1908, стр. 239). Состав металла крупной проволочки из Кара-Депе: меди — 98%, свинца — 1%, никеля — 0,1%, железа — 0,05% и следы висмута и серебра (данные Лаборатории археологической технологии ЛЮНА АН СССР). По редким примесям кара-депийская проволочка близка изделиям, происходящим из Геокюрского оазиса, что, видимо, свидетельствует об общности рудного источника. Наконечник из Анау в этом отношении стоит особняком.

### ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ

Изделия из камня в основном представлены крупными предметами из известняка и песчаника, добывавшегося в Конет-Даге (Айзенберг, 1958; большинство изделий с раскопа I на Кара-Депе, исследованных здесь, относятся к поре развитого энеолита). На Кара-Депе кремневых орудий обнаружено не было, на Анау в слоях развитого энеолита найдена пластина (табл. X, 4), возможно являвшаяся вкладышем серпа. Материалы Геокюрского оазиса показывают, что в это время на памятниках восточной группы кремневые изделия сохранились лишь в качестве наконечников стрел и вкладышей для серпов (Адыков, В. Массон, 1962). Из песчаника и известняка в пору развитого энеолита в западной области выделялись зернотерки, ступки (табл. XI, 11) и пестики различных видов (табл. XI, 3, 4, 6). Одно из массивных орудий, найденных на Кара-Депе, возможно, употреблялось в качестве молота. Специфической формой, характерной для энеолита юго-запада Средней Азии, являются тяжелые каменные кольца (табл. XI, 1, 5), служившие, по мнению некоторых исследователей, грузилами для палок-копалок (Чайлд, 1956, стр. 166). Столь же характерными изделиями можно считать и плоские каменные диски с ручками, получившие в специальной литературе наименование гирь (табл. XI, 10, 12, 13). Возможно, таково их действительное назначение, но для решения этого вопроса необходим анализ весовых данных на большом материале. Целая «гиря» из Анау весит 13,59 кг.

### СТАТУЭТКИ

Статуэтки представлены исключительно терракотовыми фигурками. Ряд статуэток, происходящих из раскопа I на Кара-Депе, следует относить к слою Кара 2, хотя, возможно, некоторые из них попали вниз из слоя Кара 1 А (В. Массон, 1961б). Здесь имеются статуэтки животных, одна из которых, судя по мощному затылку, надо полагать, изображает быка (табл. X, 14). Другая, более круп-

ная статуэтка расписана черной краской: одной линией вдоль хребта, от которой с каждой стороны к ногам спускаются по две параллельные линии. Женские статуэтки представлены тремя фрагментами нижней части сидящих фигурок. В нижней части живота черной краской изображен треугольник, а на бедрах прочерчены косые линии (табл. X, 5) или зигзаги (табл. X, 7). Последние могут быть упрощением рисунков фантастических животных, отмеченных для статуэток Геокюрского оазиса (Саррианиди, 1961). Выделяется фрагмент фигурки с двумя кошачьими выступами-упорами на ягодицах, возможно для придания устойчивости статуэтке (табл. X, 7). В материалах энеолита юго-западной Средней Азии эта находка не имеет параллелей. То же следует сказать и относительно фигурки сидящего мужчины (табл. X, 9). В нижней части торса очерчен небольшой овал, в центре которого помещался несохранившийся налеч, возможно передававший половой орган. Нос отломан, палочкой сделаны углубления ноздрей, рта, глаз и ушей. С затылка на спину спускался несохранившийся налеч — видимо, изображение косы. В пору позднего энеолита (Намазга III) этот тип крайне редких статуэток схематизируется до неузнаваемости (В. Массон, 1961б, табл. XIII, 12—14).

В слоях Кара 3 и Кара 4 статуэтки не обнаружены. К слою Кара 3 относится находка массивного терракотового колесика с выступающей с одной стороны втулкой (табл. XI, 7). Аналогичные колесики обнаружены в слоях этого времени на ряде поселений Геокюрского оазиса (Саррианиди, 1961; Хлопни, 1962). Принадлежность таких изделий моделям повозок (В. Массон, 1961б; Саррианиди, 1960) не может считаться вполне доказанной. Возможно, их назначение было иным.

На Намазга-Депе части яепских терракотовых статуэток найдены в шурфе 1. На бедрах одной из них краской нанесены ряды ломаных линий (табл. X, 10), на бедрах другой сохранилась часть фигуры козла (табл. X, 8), нарисованной в линейно-схематическом стиле, обычном для росписи керамики развитого энеолита.

### БУСЫ

Бусы составляют обычный инвентарь погребений; несмотря на многочисленность находок, формы их довольно однообразны. В Анау обнаружены бусы из сердолика, лазурита и светлого алебастра. Обычная форма — невысокий цилиндр (табл. X, 3). Подвески из лазурита удлиненной формы (табл. X, 3) напоминают украшения каменного века, изготовлявшиеся из зубов хищных животных.

Бусы из могил слоя Кара 2 на Кара-Депе представлены в основном удлиненными прошивками и плоскими бусами в виде колечка (табл. X, 2). Для браслетов употреблялись бусы в виде треугольников и ромбов. Большинство бус изготовлено из светлого алебастра, но встречаются также бусы из сердолика и лазурита.

В слое Кара 3 (табл. X, 1) преобладают бусы в виде колечка, изготовлявшиеся из алебастра, сердолика и лазурита. Прошивки более коротки и миниатюрны, чем в слое Кара 2. Найдено несколько массивных цилиндрических бус из алебастра, обтянутого тонким листком серебра, и золотая бусина в виде небольшого цилиндра с выверленным отверстием.



## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кратко охарактеризованные выше археологические материалы составляют часть той источниковедческой базы, на которой строится изучение прошлого раннеземледельческих племен юго-запада Средней Азии. К сожалению, имеющийся материал по памятникам западной области поры развитого энеолита, публикуемый в настоящем выпуске, существенно ограничен тем обстоятельством, что в большинстве своем он происходит из стратиграфических шурфов и расколов, тогда как с точки зрения изучения хозяйства и общественных отношений наиболее эффективным является сплошное вскрытие поселения.

Целью свода археологических памятников является публикация систематизированных археологических материалов, и поэтому их историческая интерпретация в данном издании может быть дана лишь в самых общих чертах.

Южная Туркмения в пору развитого энеолита характеризуется дальнейшим развитием культуры оседлых земледельцев-скотоводов, сложившейся еще в пору неолитической джейтунской культуры. Так же, как и в пору раннего энеолита, поселения западной группы располагаются в бассейнах мелких речек и ручьев прикопетдагской равнины, а поселения восточной группы — частично на окраине древней дельты р. Теджен. Поэтому трудно судить, имели ли место какие-либо изменения в способах орошения полей со времени раннего энеолита. В пору развитого энеолита появляются каменные кольца, возможно являвшиеся грузилами для палок-кчалок. По материалам северного холма Анау определяется следующее соотношение различных видов животных, шедших в пищу или на различные хозяйственные надобности: лошадь — 25%, крупный рогатый скот — 20%, мелкий рогатый скот — 30%, свинья — 15%, верблюды — 5%, джейран — 2%, разные дикие животные — 1% (Duerst, 1908, стр. 342). Обращает на себя внимание ничтожная роль охоты. Еще в пору раннего энеолита, по материалам того же Анау, костные остатки джейранов составляли около 7%, а кроме того, были также обнаружены кости оленя. Видимо, была и собака, остатки которой также обнаружены при раскопках Анау; она уже редко сопровождала своих хозяев на охоту и использовалась главным образом для охраны стад. Не вполне ясным остается вопрос о костных остатках лошади, которые в ряде случаев трудно отличимы от костей кулана. Наличие в Южной Туркмении в пору энеолита одомашненной лошади пока вызывает известные сомнения. По сравнению с одновременными памятниками Геокюрского оазиса (Ялангач-Депе, Муллалли-Депе, Акча-Депе) в Анау значительно выше процент крупного рогатого скота (в Геокюрском оазисе 10—14%) и ниже процент диких животных (в Геокюрском оазисе 11.5—24%), если не включать в число диких животных остатки лошади.

Хотя число медных орудий, относящихся к поре развитого энеолита, сравнительно невелико, практическое исчезновение кремневой индустрии ясно указывает на большое значение металлургии. Одним из косвенных указаний на это является обнаружение медного топора в одновременных слоях одного из поселений Геокюрского оазиса (Хлоппа, 1961). Существенно улучшается качество керамических изделий, сосуды имеют плотный черепок, ровный обжиг и в ряде случаев производят впечатление сделанных при помощи какого-либо вида поворотного инструмента (Schmidt, 1908, стр. 133), хотя керамика, несом-

ненно изготовленная на гончарном круге, появляется в Южном Туркменистане в значительном количестве лишь в эпоху бронзы. В Геокюрском оазисе открыты относящиеся ко времени позднего Намазга II керамические печи архаической одноярусной конструкции (Сарианиди, 1962). Находки многочисленных шлаков и обгоревших кирпичей на раскопе 1 на Кара-Депе не оставляют сомнения, что здесь в пору раннего Намазга II находился один из центров гончарного производства. Насколько можно судить по материалам поселения Геокюр 1, в пору развитого энеолита таких центров на крупных поселениях могло быть несколько.

Наряду с небольшими поселками площадью в 1—1.5 га (Тилькили-Депе, Анау) существуют такие крупные центры, как Кара-Депе и Намазга-Депе. Хотя масштабы раскопок жилых домов времени развитого энеолита на памятниках западной области относительно невелики, однако можно утверждать, что эти дома занимают определенное место в эволюции домостроительных традиций Южного Туркменистана. Если в пору джейтунской культуры и, видимо, в пору раннего энеолита мы имеем небольшие однокомнатные дома (В. Массон, 1961а; Хлоппа, 1961), то участки Кара-Депе, вскрытые в слоях Кара 2 и Кара 3, несомненно обнаруживают остатки больших многокомнатных домов, в которых выделяются крупные жилые помещения и небольшие, обычно узкие хозяйственные постройки и закрома. Этот тип застройки характерен и для времени позднего Намазга II в Геокюрском оазисе (Сарианиди, 1961), и для времени Намазга III на том же Кара-Депе (В. Массон, 1961б). Обращает на себя внимание такая особенность, как облицовка пола и стен хозяйственных закровов обломками керамики (Анау, Кара-Депе). Скорее всего эти дома являлись жилищем больших семейных общин, на которые распались родовые коллективы древних земледельцев. Вопрос о степени развития патриархальных отношений внутри этих общин требует особого исследования. Примечательно, что на небольших поселениях Геокюрского оазиса в пору раннего Намазга II еще сохраняются традиции застройки небольшими однокомнатными домами (Хлоппа, 1962). Остается неясным, связано ли это обстоятельство с определенным отставанием Геокюрского оазиса или является особенностью мелких поселений (бывших местом обитания одной большесемейной общины), отличавшей их от застройки таких крупных поселков, как Кара-Депе. К сожалению, на самом Кара-Депе остается неясным характер жилых строений времени раннего Намазга II, подобно тому как до сих пор практически ничего не известно о типе жилых домов в таком небольшом поселке западной области, как Анау.

Известные материалы для изучения истории раннеземледельческих общин поры развитого энеолита дают погребения, обнаруженные почти на всех памятниках и представляющие собой могильные ямы, вырытые непосредственно в культурном слое и в древности, по-видимому располагавшиеся в непосредственной близости от жилых строений. Прежде всего обращает на себя внимание устойчивая южная (с варпантами юго-западная, реже юго-восточная) ориентация подавляющего большинства погребений и в Анау, и на Кара-Депе, и на Намазга-Депе. Для Кара-Депе, например, первоначально была более характерна южная ориентация (Кара 3), затем сменившаяся юго-юго-западной. Эта особенность, восходящая

еще к поре раннего энеолита, несомненно является одной из специфических этнографических черт раннеземледельческих племен юго-запада Средней Азии. В Геокюрском оазисе, где, к сожалению, известны лишь погребения поры позднего Намазга II, также заметна тенденция к преобладанию южной ориентации (поселение Геокюр 5, погребения в погребальных камерах на Геокюре I), хотя па-лицо есть и значительные отклонения (раскоп 1 на Геокюре I), возможно связанные со сложным этническим составом населения оазиса. Наиболее значителен количественно материал Кара-Дене. Полученный здесь материал можно свести в табл. 5, 6 и 7.

Эти таблицы довольно определенно указывают на изменения в погребальном обряде в пору Намазга III,

торнальной и хозяйственной обособленности, что особенно заметно на примере Геокюрского оазиса (Адыков, В. Массон, 1962). Вместе с тем, видимо, в восточной области раньше, чем в западной, сказались влияние племенных групп, проплавивших сюда с соседних территорий и являвшихся проводниками эламско-месопотамских влияний (Сарганиди, 1961; Адыков, В. Массон, 1962). Видимо, продолжалось переселение в восточную область племенных групп с западных поселений, где культура этого времени являлась прямым результатом развития местных традиций, а иностранные влияния в рассматриваемое время были редки и незначительны.

Связи с северными неолитическими племенами. В IV—III тысячелетиях

Таблица 5

## ПОГРЕБЕНИЯ КАРА-ДЕНЕ (ОРИЕНТАЦИЯ)

Ориентация	Намазга III			Намазга II			Намазга I
	Кара I	Кара IA	Кара IB	Кара 2	Кара 3	Кара 5	
В	—	—	9	—	—	—	—
З	—	—	—	44	—	—	—
ЮЗ	—	—	4, 6, 22	40, 47, 53—56	—	—	—
ЮЮЗ	97, 99	45, 62—65	2, 5, 7, 10—12, 15, 17—20, 25—27	31, 32, 34—38, 41, 43, 46, 48—52, 57, 59, 60, 66, 67, 69, 70—72	14, 29, 75, 78, 80, 88, 89, 93	—	28
Ю	98	—	1, 3, 8, 16, 21, 23	33, 39, 42, 68	73, 74, 76, 79, 81, 82, 83—87, 90, 91, 96	92	—
ЮЮВ	—	—	—	—	77	—	—
СВ	—	58, 61	—	—	—	—	—
ССВ	—	94	—	—	—	—	—
ССЗ	—	95	—	—	—	—	—
ЗСЗ	—	—	30	—	—	—	—
СЗ	—	—	—	13	—	—	—

Примечание: Цифры здесь и в табл. 6 и 7 означают номера погребений.

когда наблюдаются праисские элементы в росписи на керамике и в антропологическом типе, что скорее всего связано с передвижением каких-то племенных групп (В. Массон, 1961б). Но некоторые перемены отмечаются еще в пору развитого энеолита (Намазга II). В пору Кара 3 преобладает труположение на правом боку с руками, вытянутыми вдоль тела. Видимо, таким было и первоначальное положение скелетов, обнаруженных лежащими на спине. Но уже в слое Кара 2 мы находим погребение, в котором скелет поконца на левом боку (погр. 44), и именно здесь имеет место совершенно необычная ориентация: головой на запад. Выделяется «неправильной» ориентацией и погребение 13, хотя скелет лежит, как обычно, на правом боку. Скорее всего перед нами захоронение «чужеземцев», людей пришедших для кара-денского родового коллектива. В этом отношении особенно интересно, что погребение 44 принадлежит женщине (пол усопшего в погребении 13 остался неопределенным).

Помимо известной эволюции в хозяйстве и культуре, в пору развитого энеолита особенно резко выступает разделение на две культурные области — западную и восточную, о чем уже неоднократно упоминалось выше. Обособление культурного развития поселений восточной группы, видимо, находится в связи с ростом их терри-

до п. э. раннеземледельческие племена занимали узкую полосу на юго-западе Средней Азии (рис. 3), в то время как ее большая часть входила в зону неолитических племен охотников, рыболовов и собирателей. В конкретных исторических условиях сосуществование этих двух групп племен с различным направлением хозяйства отражало одну из ступеней общественного разделения труда. Аналогичное сосуществование имело место, например, также в Индии, где в центральной части страны в IV—III вв. до н. э. развивались примитивные неолитические культуры охотников, современников оседло-земледельческих общин Белуджистана и городской цивилизации Мохенджо-Даро и Хараппы (Wheeler, 1959). В Средней Азии лучшие всего изучены племена кельтеминарской культуры, занимавшей территорию Хорезма и распространившейся также по Узбою и по северо-западному Казахстану (Виноградов, 1957). Материал кельтеминарского типа обнаружен в Кызыл-Кумах, а в низовьях Беравшана установлен местный вариант этой неолитической культуры Средней Азии (Тузкан). Кремневый инвентарь этой культуры характеризуется сохранением в условиях охотничьего хозяйства ряда мезолитических черт (возможно, появление кельтеминарской культуры в Хорезме связано с продвижением сюда потомков посетителей прикаспийского мезолита), но

в керамике, по-видимому, можно отметить ряд черт, указывающих на воздействие со стороны керамического производства оседлых земледельцев юга (Виноградов, 1957; В. Массон, 1957в, 1961а). При этом в большей мере эти воздействия обнаруживаются в керамике раннего кельтемпара. Ряд ее характерных черт, с одной стороны, совершенно необычен для культур охотничьего неолита севера, с другой — находит себе прямые аналогии в посуде развитого энеолита Южного Туркменистана. Видимо, результатом таких южных воздействий являются

ментике кельтемпарской керамики и такой прием, как орнамент из узких полос, заполненных внутри вертикальными черточками (Виноградов, 1957, рис. 1, 9, 10, рис. 2, 15). Это обстоятельство, с одной стороны, открывает возможности для уточнения хронологии раннего кельтемпара; с другой стороны, оно является археологическим отражением воздействия земледельческих культур юга на северный неолит. Как отмечают исследователи, кельтемпар, видимо, оказал известное влияние на сложение неолитических комплексов Нижнего Приобья (Черне-

Таблица 6

## ПОГРЕБЕНИЯ КАРА-ДЕПЕ (ТИПЫ ТРУНОПОЛОЖЕНИЯ)

	Положение костяка	Намазга III			Намазга II			Намазга I
		Кара I	Кара 1А	Кара 1Б	Кара 2	Кара 3	Кара 5	
На левом боку	Левая рука согнута в локте, правая вытянута вдоль тела.	—	—	9, 30	—	—	—	—
	Руки согнуты в локтях и лежат перед грудной клеткой.	98	—	5	—	—	—	—
	Руки вытянуты вдоль тела, правая заметно согнута в локте.	—	—	—	44	—	—	—
На правом боку	Левая рука согнута в локте, правая вытянута вдоль тела.	97, 99	45, 58, 62, 64, 65	1, 4, 7, 8, 11, 20—23, 25—27	13, 31, 34, 36, 42, 43, 46—50, 52—57, 59, 67, 69—72	14, 29, 80, 84, 85, 87—89	—	28
	Руки вытянуты вдоль тела.	—	—	—	39	73—75, 77, 79, 90—91	92	—
	Обе руки согнуты в локтях так, что кисти находятся перед лицом.	—	95	2, 16, 18	—	96	—	—
	Руки согнуты в локтях и лежат перед грудной клеткой.	—	—	6	—	93	—	—
	Обе руки вытянуты вперед костяка.	—	—	—	60, 68	—	—	—
	Левая рука согнута в локте под прямым углом, правая согнута так, что ее кисть лежит перед лицом.	—	94, 63	3, 15	35, 37, 38, 40, 41	—	—	—
	Левая рука согнута так, что ее кисть поднесена к подбородку, правая согнута под прямым углом.	—	—	—	51	—	—	—
Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута так, что ее кисть находится перед лицом.	—	—	19	—	76	—	—	
На спине	Левая рука согнута в локте, правая вытянута вдоль тела.	—	—	—	32	81, 82	—	—
	Руки согнуты в локтях и положены кистями на низ грудной клетки.	—	—	—	66	—	—	—

отдельные случаи окраски раннекельтемпарских сосудов охрой в красный и желтоватый цвет. Кельтемпарские сосуды с шаровидным туловом и прямым отогнутым наружу венчиком (Виноградов, 1957, рис. 1, 1, 3) находят прямую аналогию в крупных горшковидных сосудах (табл. VI, 21). Шаровидные сосуды, найденные на стоянках в Тузкане, также скорее всего восходят к формам сосудов типа Намазга II. А. В. Виноградов отмечает, что «одним из наиболее характерных для раннего кельтемпара орнаментальных приемов является заштриховка волнистыми (реже прямыми) линиями различных геометрических фигур, чаще всего прямоугolygonных» (1957, стр. 39). Как можно видеть из материалов, этот прием широко распространяется в пору позднего Намазга II и является характерным именно для керамики этого времени (табл. IV, тип. X; табл. V, типы I, II, X). Поскольку этот вид орнамента встречается в расписной керамике Южного Туркменистана только в определенном периоде, скорее всего в данном случае роспись на сосудах конкретно влияет на керамику кельтемпарцев, украшавшуюся прочерченным орнаментом и орнаментом насечками. Получил отражение в орна-

ментов, 1953) и других областей. Не исключено, что именно влияние со стороны энеолитических общин земледельцев и скотоводов привело к зарождению в позднем кельтемпаре скотоводства и к началу выплавки меди.

Развитой энеолит юга Средней Азии и «культуры расписной керамики Древнего Востока». Если к северу от оазисов юго-запада Средней Азии находились племена, отличные от обитателей этих оазисов по своему культурно-хозяйственному облику, то, обращаясь на юг, мы видим целый ряд культур, близких по уровню развития, принадлежавших целому ряду этноплеменных групп.

Территорию южной Месопотамии занимали племена убейдской культуры, начальные этапы которой относятся по крайней мере ко второй половине V тысячелетия до н. э. и которую со значительными основаниями можно именовать если не шумерской, то протошумерской (Чайлд, 1956, стр. 187—188). Изготавливавшаяся этими племенами керамика украшена одноцветным геометрическим орнаментом. Лишь в двух случаях (Телло, Телль-Укайр) отмечены изображения козлов и птиц, отличающихся по

стилю от южнотуркменстанских рисунков на керамике развитого энеолита. Известные отличия имеет также геометрическая орнаментика, кроме мотива креста, образованного четырьмя треугольниками; крест стал известен начиная с наиболее ранних слоев Эриду (Oates, 1960, табл. V, 31, 34); на юго-западе Средней Азии крест встречен еще в стеной росписи раннего энеолита. От южнотуркменстанских материалов времени развитого энеолита отличаются стоящие женские статуэтки Убейда, а также фор-

которая уступает по уровню развития своим южным соседям. Отдаленные североубейдские влияния, возможно, достигают южнотуркменских общин в пору развитого энеолита, однако сказываются не на территории западной области, рассматриваемой в настоящем выпуске, а в культуре восточных памятников и прежде всего в культуре Геокюрского оазиса (Адыков, В. Массон, 1962).

Более близкими по уровню развития общинам Южного Туркменистана были племенные группы, населявшие тер-

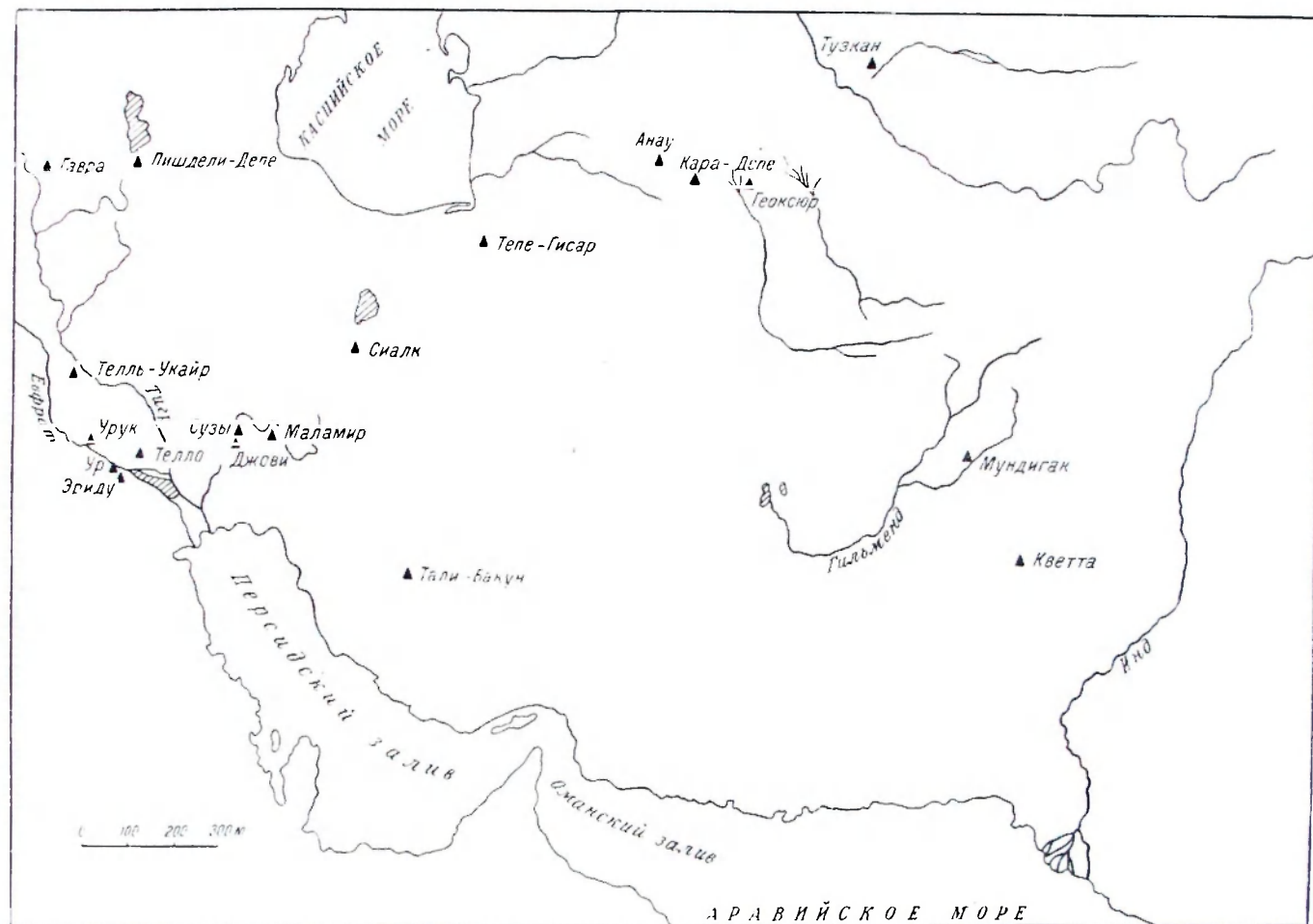


Рис. 3. Иран и Средняя Азия в IV тысячелетии до н. э.

мат сырцового кирпича и характерные убейдские керамические основы для серпов с кремневыми вкладышами. Нет никаких данных, которые бы свидетельствовали о связях, тем более об общности происхождения южного Убейда и развитого энеолита юго-запада Средней Азии. В уровне развития весьма заметным становится отставание южнотуркменских общин: в пору южного Убейда центрами поселений становятся монументальные храмы на платформах (Lloyd, 1960). Это общее отставание и резкие различия культуры еще более заметны в пору Урука, когда в Южной Месопотамии наблюдается интенсивное развитие ремесел, сложение городских поселений и зарождение письменности.

В северной Месопотамии на основе соединения местных халафских традиций и южнотуркменских влияний складывается так называемая культура северного Убейда,

риторию Ирана; здесь на основе археологических материалов можно говорить об эламской группе (Сузы, Тали-Бакун, Джови и Джафарабад, Бендебаль и др.), о группе племен северо-западного Ирана (комплекс типа Пишдели-Дене, испытавший сильное воздействие северного Убейда) и о племенах, населявших центральный Иран, известных по раскопкам Сялка. Как уже отмечалось выше, развитая керамика развитого энеолита с двухцветным рисунком не находит себе аналогий в материалах раскопанных иранских поселений. Совершенно ясно, что южнотуркменстанские племена составляют особую локальную группу в общей массе раннеземледельческих племен Древнего Востока. Весьма показательно, что параллели с культурой центрального Ирана весьма незначительны и уступают сходству, наблюдаемому между керамикой типа Анау I—Намазга I и посудой из нижних слоев Сялка. Отмеченные

аналогии с эламской посудой времени, предшествующего комплексу Сузы I (Сузы А), требуют дополнительных изысканий для их исторической интерпретации. Если в это время имели место какие-либо туркменистано-эламские связи, то они создавались, минуя район Сналка. Энеолитическая

ней Азии, генетически связанный с предшествующим этапом (пора раннего энеолита) и закономерно перерастающий в последующий этап (пора позднего энеолита). Этап развитого энеолита характеризуется двумя новыми моментами в истории оседлых земледельцев Южного Турк-

Таблица 7

## ПОГРЕБЕНИЯ КАРА-ДЕНЕ (ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ)

Пол	Возраст	Намазга III		Намазга II		
		Кара I	Кара 1А	Кара 1Б	Кара 2	Кара 3
Женщины (29)	Детский . . . . .	—	63	9, 24, 25, 27	41, 54, 56, 34	82
	Юношеский . . . . .	—	—	15	69	—
	Зрелый — возмужалый . . . . .	97	58, 94	1, 4, 21	39, 42, 44, 52	93, 89
	Старческий . . . . .	98	—	20	38, 70	—
Мужчины (23)	Детский . . . . .	—	—	16	71	80
	Юношеский . . . . .	—	—	—	—	81
	Зрелый — возмужалый . . . . .	—	—	2, 5, 6, 17, 18	32, 37, 43, 47, 51, 59	76, 84—88, 90, 96
	Старческий . . . . .	—	95	—	—	—
Дети; пол не определен (27)		99	62, 64, 65	10, 22, 23, 26	33, 35, 36, 48—50, 53, 55, 57, 60, 67, 68	73—75, 77, 79, 83

культура IV тысячелетия до н. э. земледельческих общин Белуджистана (нижние слои Мундигака, комплекс Гул Мохаммед I) как будто не обнаруживает каких-либо связей с одновременными памятниками Ирана и Средней Азии и, возможно, уступает им по уровню развития. Такова краткая характеристика развитого энеолита Южного Туркменистана. Это был один из этапов развития культуры раннеземледельческих племен юго-запада Сред-

менистана. Первое — это появление многокомнатных домов, вероятно связанное с завершённым хозяйственным обособлением больших семейных общин в рамках родовой организации, и второе — культурное обособление западной и восточной областей, позволяющее говорить, в отличие от поры раннего энеолита, о двух культурных вариантах в границах Южного Туркменистана.

## ЛИТЕРАТУРА

- Адыков К. А., Массон В. М. 1960. Древности Теджен-Мургабского междуречья. ИАН ТССР, № 2.
- Адыков К. А., Массон В. М. 1962. Некоторые итоги археологических работ в Теджен-Мургабском междуречье. ДТММ, Ашхабад.
- Айзенберг Ю. Б. 1958. Из истории использования естественного камня. ТЮТАКЭ, т. VIII, Ашхабад.
- Буквич Д. Д. 1924. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. Хлопковое дело, № 3—4.
- Буквич Д. Д. 1929. Некоторые новые данные об Анау и Намазга-Депе. Туркменоведение, № 5. (Перевод: Neues über Anau und Namazga-tere, ESA, T. V, 1930).
- Впорогоров А. В. 1957. К вопросу о южных связях кельтепнарской культуры. СЭ, № 1.
- Ганяли А. Ф. 1956. К стратиграфии Намазга-Депе. ТИИАЭ АН ТССР, т. II, Ашхабад.
- Ганяли А. Ф. 1959. Илгылы-Депе. ТИИАЭ АН ТССР, т. V, Ашхабад.
- Грязнов М. П., Пиотровский Б. Б. 1939. Сибирь, Казахстан, Средняя Азия. История СССР (макет), гл. 3, § 7.
- Дурдыев Д. 1959. Итоги полевых работ Сектора археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР 1954—1957 гг. ТИИАЭ АН ТССР, т. V, Ашхабад.
- Ершов С. А. 1956. Северный холм Анау. ТИИАЭ АН ТССР, т. II, Ашхабад.
- Птина М. А. 1951. Памятники энеолита и бронзового века Средней Азии. (Автореферат кандидатской диссертации).
- Кобранов Е. 1927. Историческое и культурное значение Анау. Ашхабад.
- Комаров А. В. 1888. Закаспийская область в археологическом отношении. Туркестанские ведомости, № 24.
- Куфтин Б. А. 1954. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культуры Анау». ИАН ТССР, № 1.
- Куфтин Б. А. 1956. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад.
- Марущенко А. А. 1939. Анау. Историческая справка. В кн.: Архитектурные памятники Туркмении, вып. I. Москва—Ашхабад.
- Марущенко А. А. 1956. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. ТИИАЭ АН ТССР, т. II, Ашхабад.
- Массон В. М. 1956а. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении (энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа). ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад.
- Массон В. М. 1956б. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад.
- Массон В. М. 1957а. Джейтун и Кара-Депе. СА, № 1.
- Массон В. М. 1957б. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. ВДП, № 1.
- Массон В. М. 1957в. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, № 4.
- Массон В. М. 1959а. Древние земледельцы на юге Туркменистана. Ашхабад.
- Массон В. М. 1959б. Изучение анауских культур в 1956 году. КСИИМК, в. 73, М.
- Массон В. М. 1959в. О культе женского божества у анауских племен. КСИИМК, в. 73, М.
- Массон В. М. 1960. Рец.: W. A. Fairervis. Excavations in the Quetta Valley. СА, № 3.
- Массон В. М. 1961а. Южно-туркменистанский центр раннеземледельческих культур. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад.
- Массон В. М. 1961б. Кара-Депе у Артыка. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад.
- Массон М. Е. 1953. ЮТАКЭ 1947 г. ТЮТАКЭ, т. II, Ашхабад.
- Массон М. Е. 1955. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. ТЮТАКЭ, т. V, Ашхабад.
- Пиотровский Б. Б. 1955. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР. М.
- Протопопов Х. В. и Бутомо С. В. 1959. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду ( $C_{14}$ ). СА, № 2.
- Сариянди В. П. 1959а. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении. СА, № 2.
- Сариянди В. П. 1959б. Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр. КСИИМК, в. 76, М.
- Сариянди В. П. 1960. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, № 2.
- Сариянди В. П. 1961. Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад.
- Сариянди В. П. 1962. Раскопки поселений Геоксюрского оазиса. ДТММ, Ашхабад.
- Хлопин П. Н. 1957. Изображение коровы на сосуде из Кара-Депе. КСИИМК, в. 69, М.
- Хлопин П. Н. 1958. Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теджена. ИАН ТССР, № 5.
- Хлопин П. Н. 1961. Дашлыджи-Депе и энеолитическое поселение Южного Туркменистана. ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад.
- Хлопин П. Н. 1962. Раскопки Ялангач-Депе и Муллалы-Депе. ДТММ, Ашхабад.
- Чайлд В. Г. 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок, М.
- Чернецов В. Н. 1953. Древняя история нижнего Приобья. МИА СССР, № 35, М.—Л., 1953.
- Duerst J. U. 1908. Animal Remains from the Excavations in Anau and the Horse of Anau in its Relation to the Races of Domestic Horses. Prehistoric Civilizations of Anau, v. II. Washington.
- Ghirshman R. 1938. Fouilles de Sialk, v. I. Musée de Louvre. Serie archeologique, t. IV. Paris.
- Herzfeld E. 1941. Iran in the Ancient East. London—New York.
- Le Breton L. 1947. Note sur la ceramique peinte aux environs Suse et à Suse. Memoires de la Mission archeologique en Iran, t. XXX. Paris.
- Le Breton L. 1957. The Early Periods at Susa. Mesopotamian Relations. Iraq, v. XIX, p. 2.
- Lloyd S. 1960. Ur-Al'Ubaid, Uqair and Eridu. Iraq, v. XXII.
- Masson M. E., Masson V. M. 1957. Archaeological Cultures of Central Asia of the Aeneolithic and Bronze Age. Cahiers d'histoire Mondiale, Neuchatel.
- McCown D. E. 1942. Comparative Stratigraphy of Early Iran. Chicago.
- McCown D. E. 1954. The Relative Stratigraphy and Chronology of Iran. Relative Chronologies in Old World Archeology. Chicago.
- Mollison Th. 1908. Some Human Remains found in the North Kurgan, Anau. Prehistoric Civilizations of Anau, v. II. Washington.
- Oates J. 1960. Ur and Eridu, the Prehistory. Iraq, v. XXII.
- Piggott S. 1946. The Chronology of Prehistoric North-West India. Ancient India, № 1.
- Piggott S. 1952. Prehistoric India to 1000 b. c.
- Pumpeilly R. 1908. Ancient Anau and the Oasis-world. Explorations in Turkestan. Prehistoric Civilizations of Anau, v. I. Washington.
- Scheil H. C. 1908. Wheat and Barley from the North Kurgan, Anau. Prehistoric Civilizations of Anau, v. II. Washington.
- Schmidt H. 1908. Archeological Excavations in Anau and Old Merv. Prehistoric Civilizations of Anau, v. I. Washington.
- Sergi G. 1908. Description of some Skulls from the North Kurgan, Anau. Prehistoric Civilizations of Anau, v. II. Washington.
- Stein A. 1940. Old Routes of Western Iran. London.
- Warner L. 1908. Stone Implements and Skeletons excavated in Anau. Prehistoric Civilizations of Anau, v. II. Washington.
- Wheeler C. I. E. 1959. Early India and Pakistan. New York.

---

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории.	СА	— Советская археология.
ДТММ	— Древности Теджен-Мургабского междуречья.	СЭ	— Советская этнография.
ИАН ТССР	— Известия Академии наук Туркменской ССР.	ТИИАЭ АН ТССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР.
КСИОМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.	ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.	ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР.	ЕСА	— Eurasia Septentrionalis Antiqua.

---

## О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение . . . . .	5
Развитой энеолит юга Средней Азии . . . . .	8
Памятники . . . . .	8
Памятники западной группы . . . . .	8
Памятники восточной группы . . . . .	11
Предметы материальной культуры . . . . .	11
Керамика . . . . .	11
Изделия из меди . . . . .	21
Изделия из камня . . . . .	22
Статуэтки . . . . .	22
Бусы . . . . .	22
Заключение . . . . .	23
Список сокращений . . . . .	28
Литература . . . . .	29

Вадим Михайлович Массон

### ЭНЕОЛИТ ЮЖНЫХ ОБЛАСТЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

*Утверждено к печати*

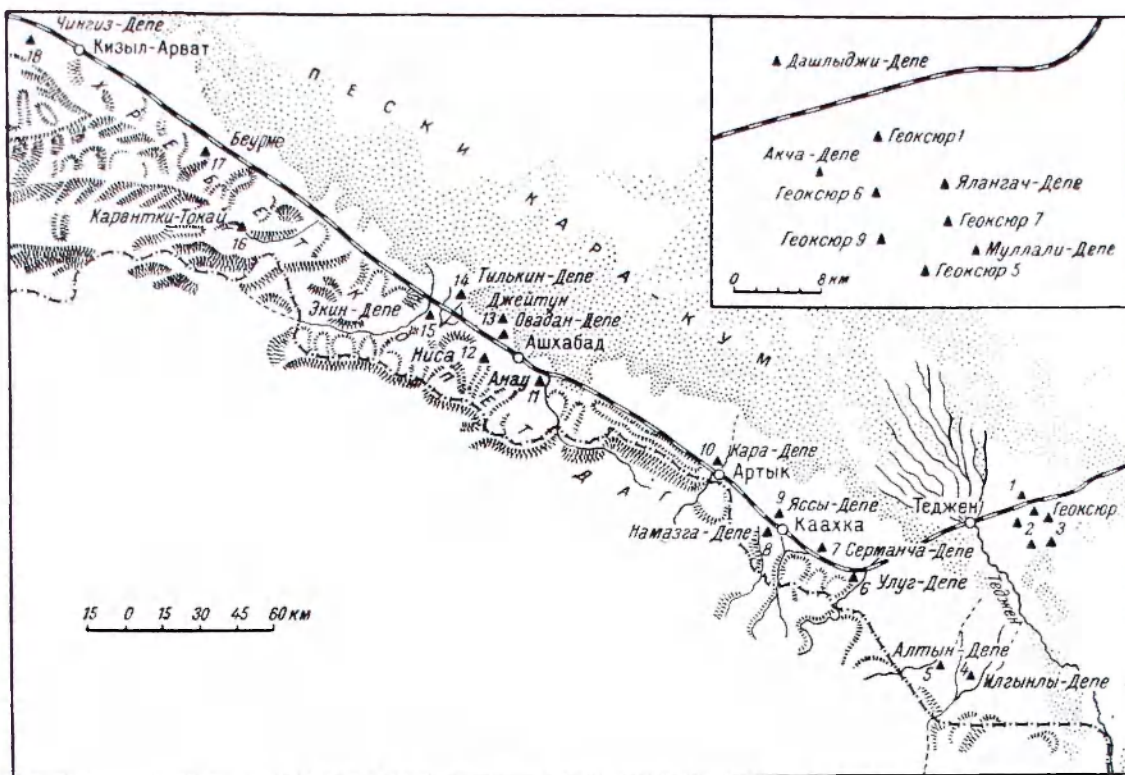
*Институтом археологии Академии наук СССР*

Редактор Издательства *С. М. Кочетова*  
Технический редактор *М. Е. Зендель*  
Корректор *Ж. Д. Панкратова*

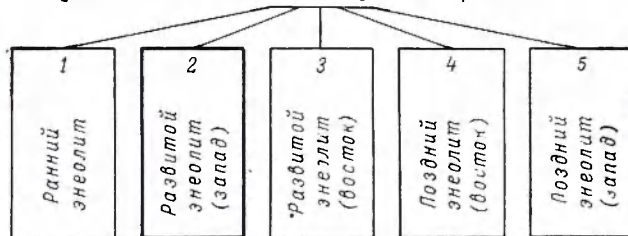
Сдано в набор 23/IV 1962 г. Подписано к печати 4/IX 1962 г. РИСО АН СССР  
№ 119—88 В. Формат бумаги 70 × 108<sup>1</sup>/<sub>8</sub>. Бум. л. 17/8. Печ. л. 33<sup>1</sup>/<sub>4</sub> = 5.12 усл.  
печ. л. + 20 вклад. Уч.-изд. л. 6.75 + 20 вклад. (3.06). Изд. № 1701. Тип. зак. № 659.  
М-37459. Тираж 1000.

*Цена 94 коп.*





Выпуски свода по энеолиту юга Средней Азии



Энеолит	Западная область			Восточная область		
	Анау	Намазга	Кара-депе	Илгынлы	Геоксюрский оазис	Геоксюр I
Поздний		III	1А	III	Геоксюрский период	1
			1Б			
Развитой	II	II	2	II	Ялангачский период	3
			3			4
			4			5
			5			6
Ранний	1Б	I	Шурф 1 ярусы XVI-XXVI	I	Дашлыджинский период	7
	1А					8
						9
					10	

Табл. I. Карта памятников энеолита юга Средней Азии и синхронистическая таблица археологических комплексов.

	Западная область	Восточная область
Кара 16		
Кара 2		
Кара 3		
Кара 4		

Геокюрский комплекс

Яланчацкий комплекс

Табл. II. Керамические комплексы поры развитого энеолита (сводная таблица).

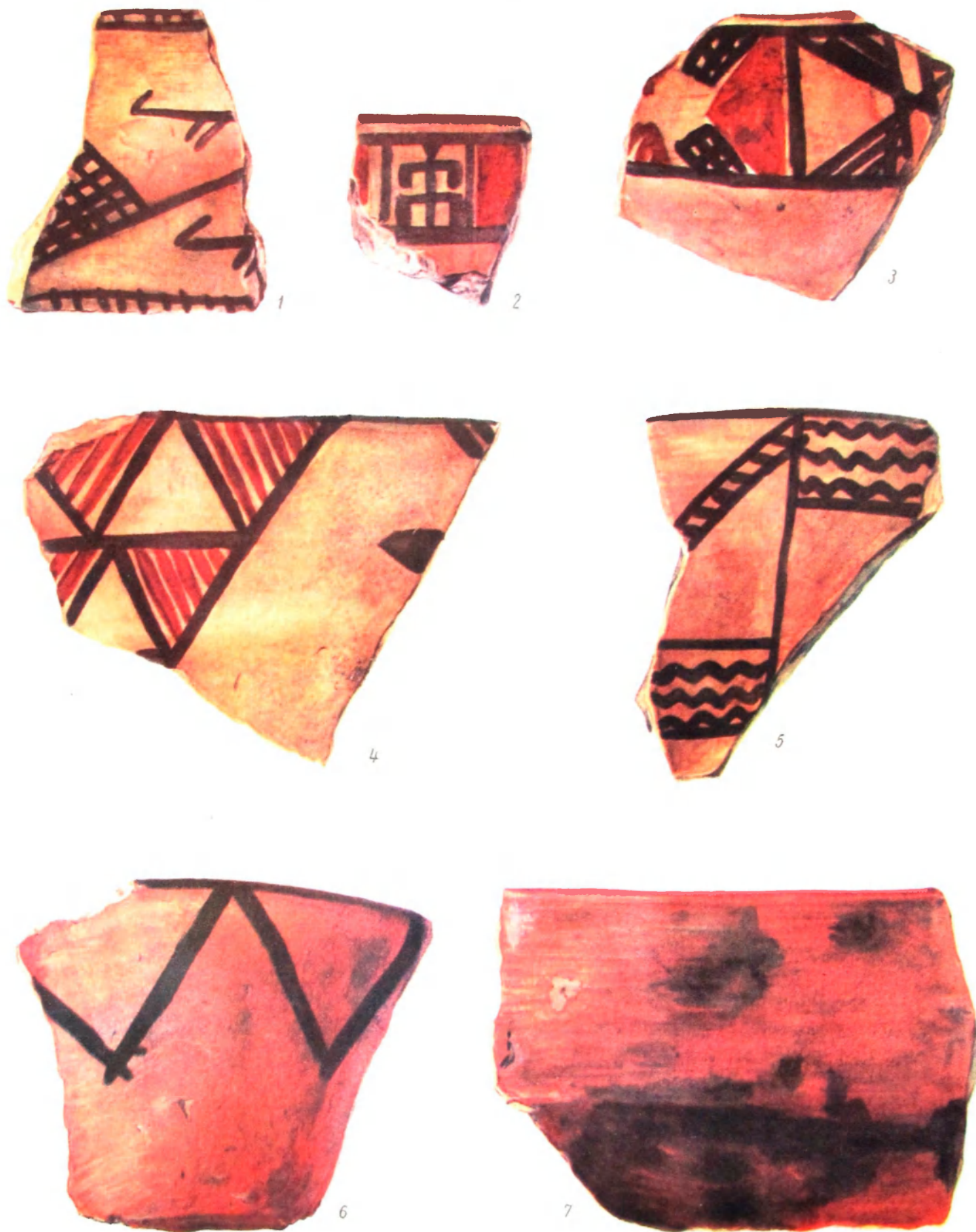


Табл. III. Керамика типа Намазга II (образцы цветовой гаммы).

I mun	<p>1 2 3 4 5 6</p>
II mun	<p>7 8 9</p>
III mun	<p>10 11 12 13 14</p>
IV mun	<p>15 16 17</p>
V mun	<p>18 19 20 21 22</p>
VI mun	<p>23 24 25</p>
VII mun	<p>32 33</p>
VIII mun	<p>26 27 28</p>
IX mun	<p>29 30</p>
X mun	<p>31</p>

Табл. IV. Типы полихромной орнаментации (сводная таблица).

I	1	2	3
II	4	5	6
III	7	8	
IV	9	10	11
V	12	13	14
VI	15		
VII	16		
VIII	17	18	
IX	19	20	
X	21	22	23

Табл. V. Типы монохромной орнаментации (сводная таблица).

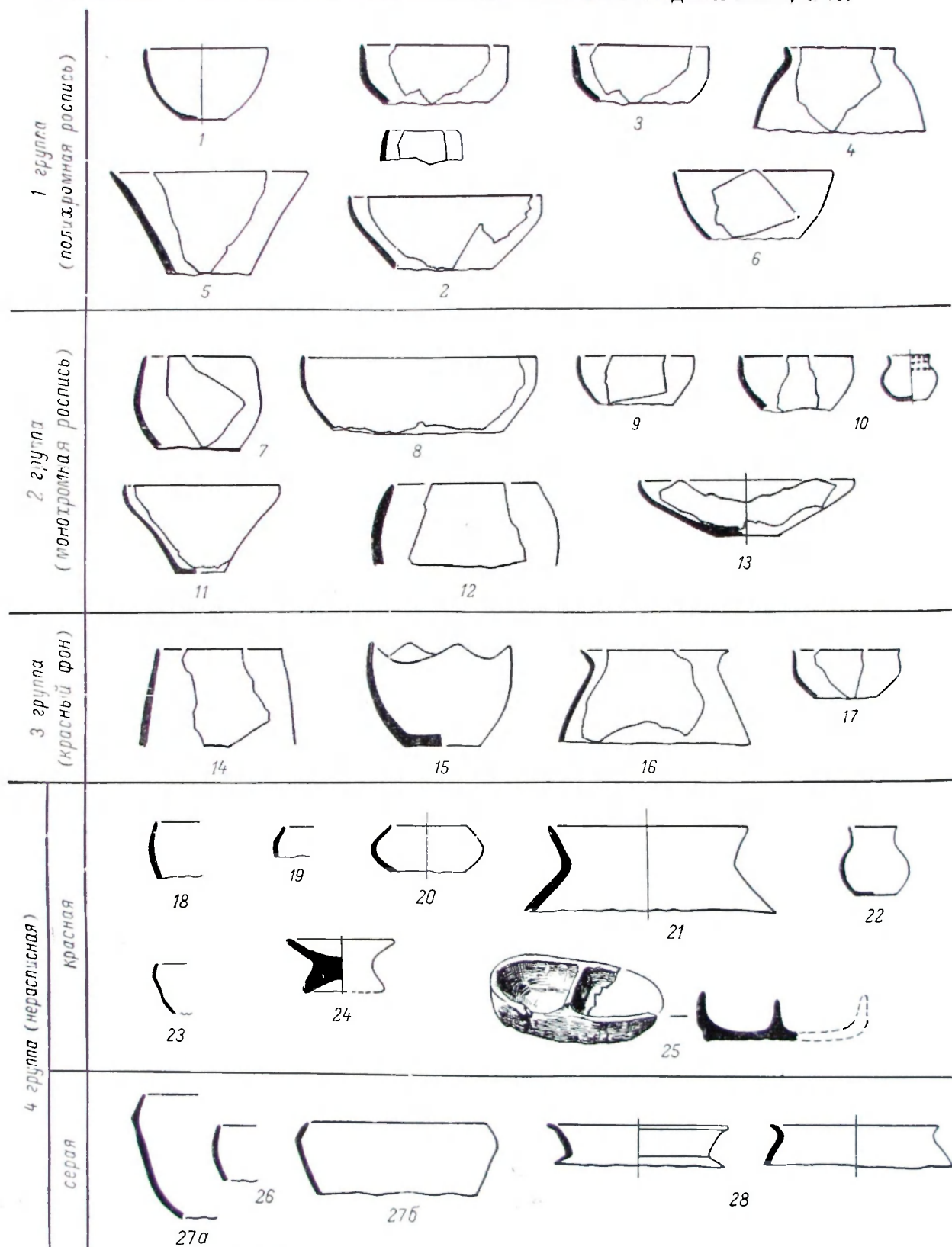


Табл. VI. Формы керамики типа Намазга II (сводная таблица).

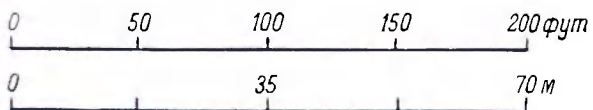
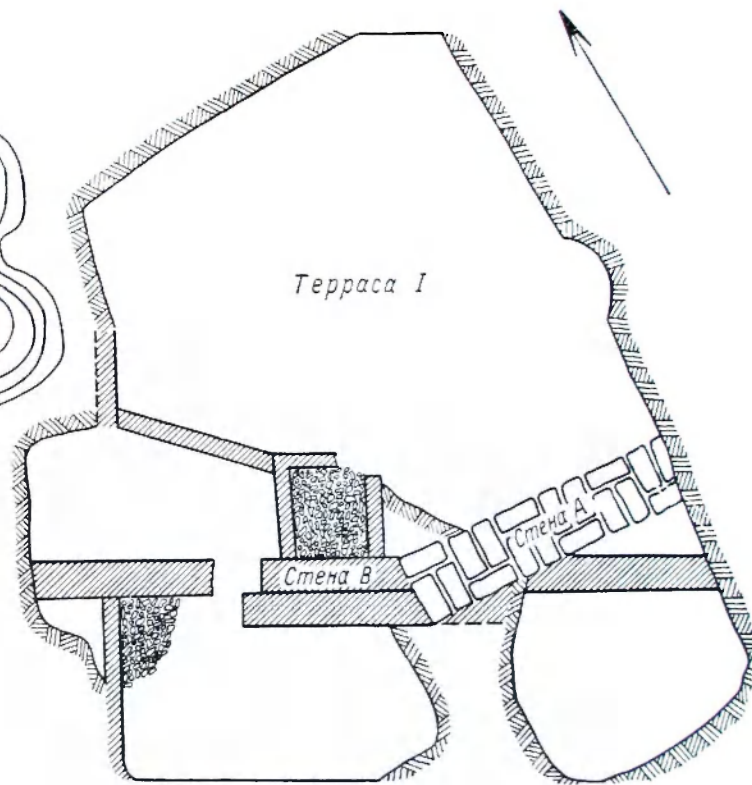
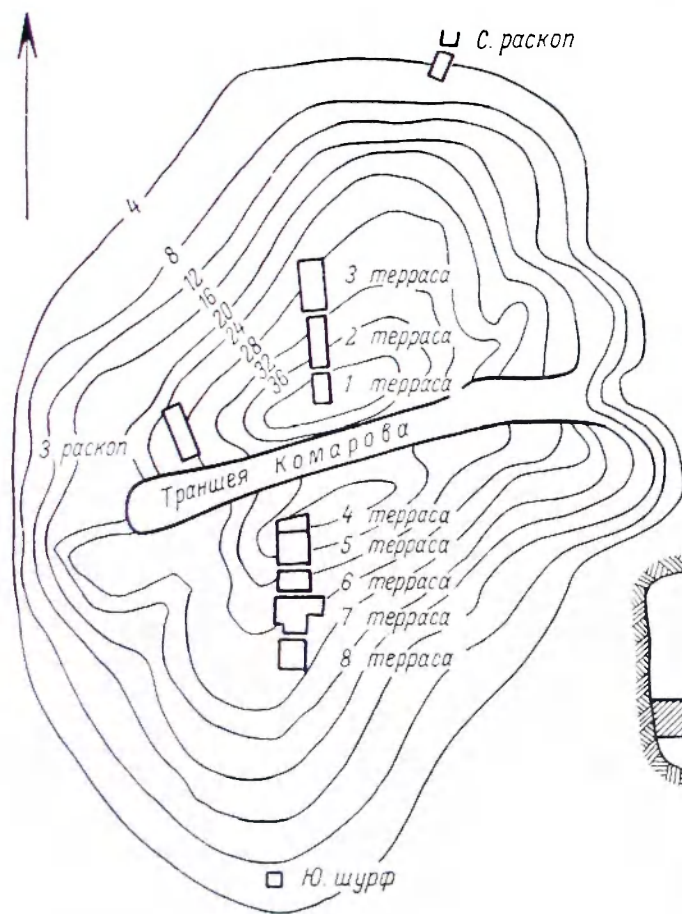
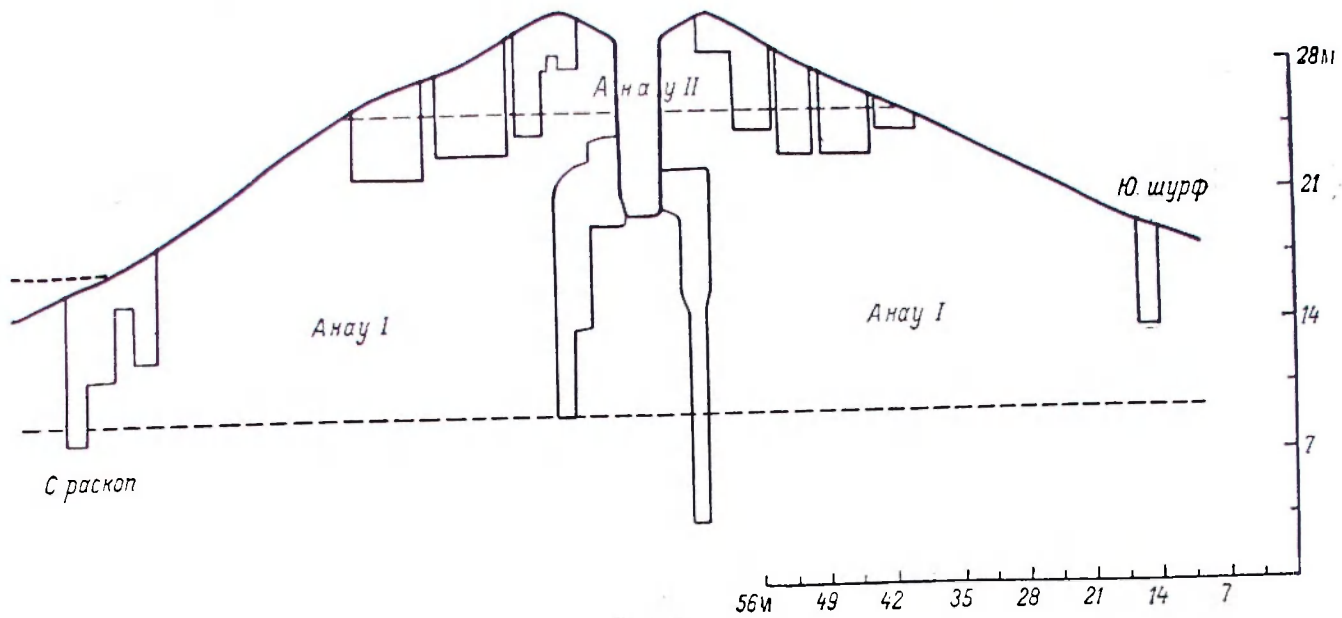


Табл. VII. Северное поселение Анау (план и разрез).

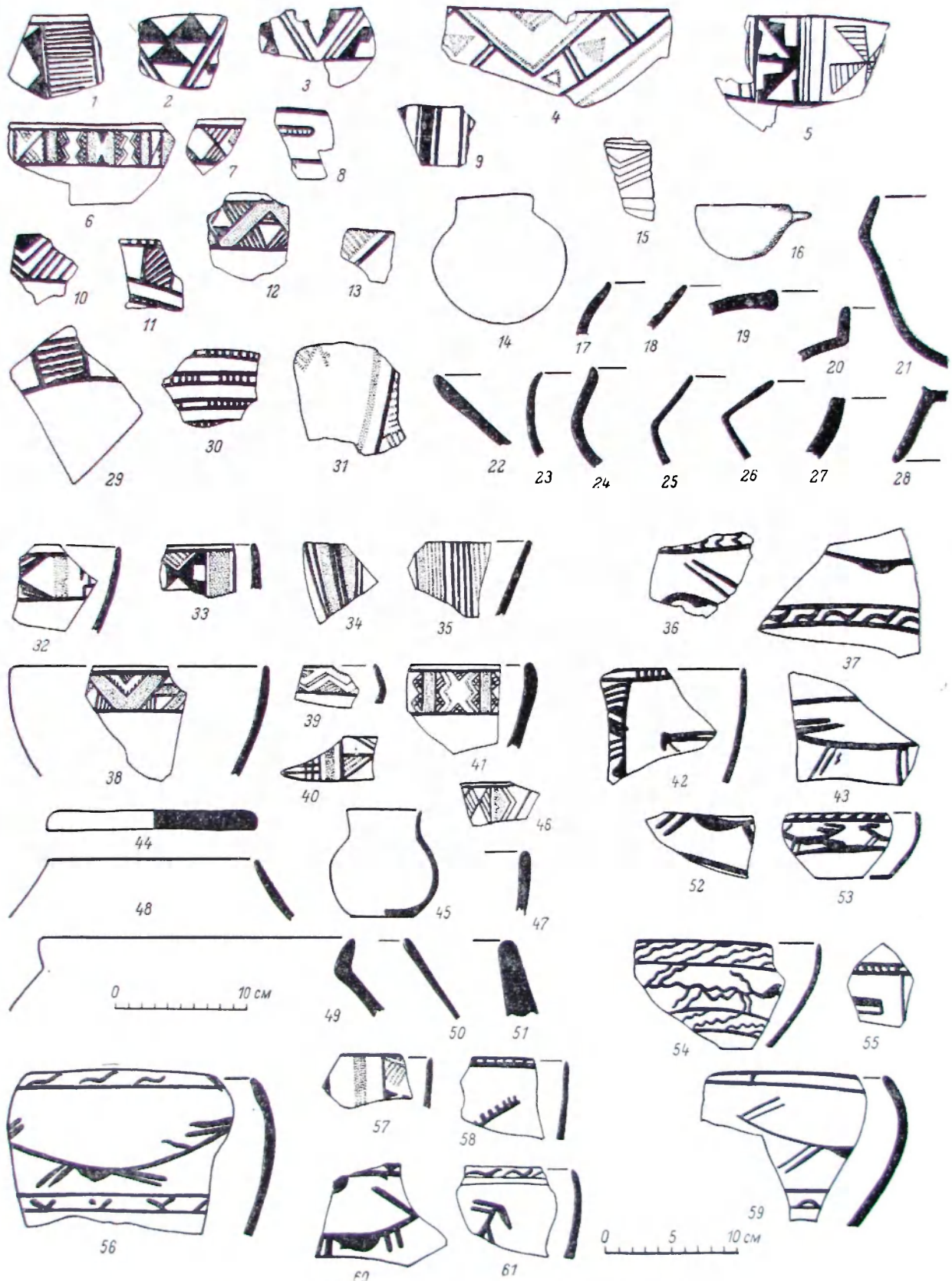


Табл VIII. Анау и Кара-Депе. Керамика.

1—31 — керамика из северного холма Анау, слой Анау II; 32—35, 38—41, 44—51 — керамика с Кара-Депе, раскоп 5, траншея, слой времени Намазга II; 36, 37, 42, 43, 52—61 — керамика с Кара-Депе, раскоп 5 (в перемещенном состоянии).



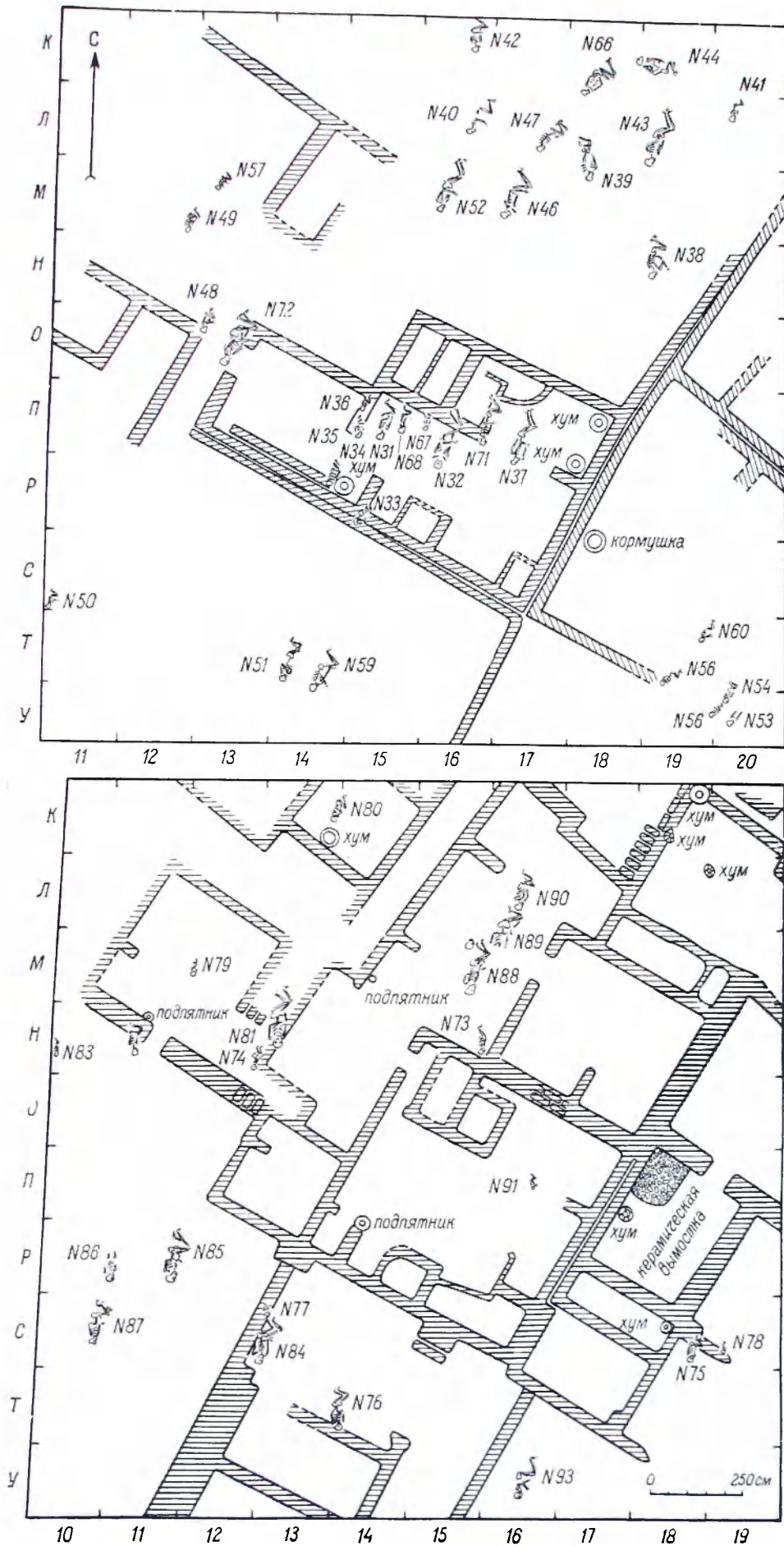


Табл. IX. Кара-Деге. Планы домов развитого энеолита.



Табл. X. Бусы, глиняные и медные изделия.

— бусы с Кара-Депе, раскоп 1, слой Кара 2; 2 — бусы с Кара-Депе, раскоп 1, слой Кара 3; 3 — бусы с северного холма Анау, слой Анау II; 4 — кремневая пластина с северного холма Анау, слой Анау II; 5—7, 9, 11, 12 — терракотовые статуэтки с Кара-Депе, раскоп 1, слой Кара 2; 8 — терракотовая статуэтка с Намаага-Депе, шурф 5, ярус XXII; 10 — терракотовая статуэтка с Намаага-Депе, шурф 1, ярус XVIII; 13, 15, 16, 19—21 — медные предметы с северного холма Анау, слой Анау II; 14, 22 — медные наделки с Кара-Депе, раскоп 1, слой Кара 2; 17 — головка медной булавки с Кара-Депе, раскоп 1, слой Кара 3; 18 — медный пробойник с Кара-Депе, раскоп 1, слой Кара 4; 23 — медный стержень с Кара-Депе, раскоп 1, слой Кара 3, погребение 81; 24 — медное шило с Кара-Депе, шурф 1, ярус XIV.

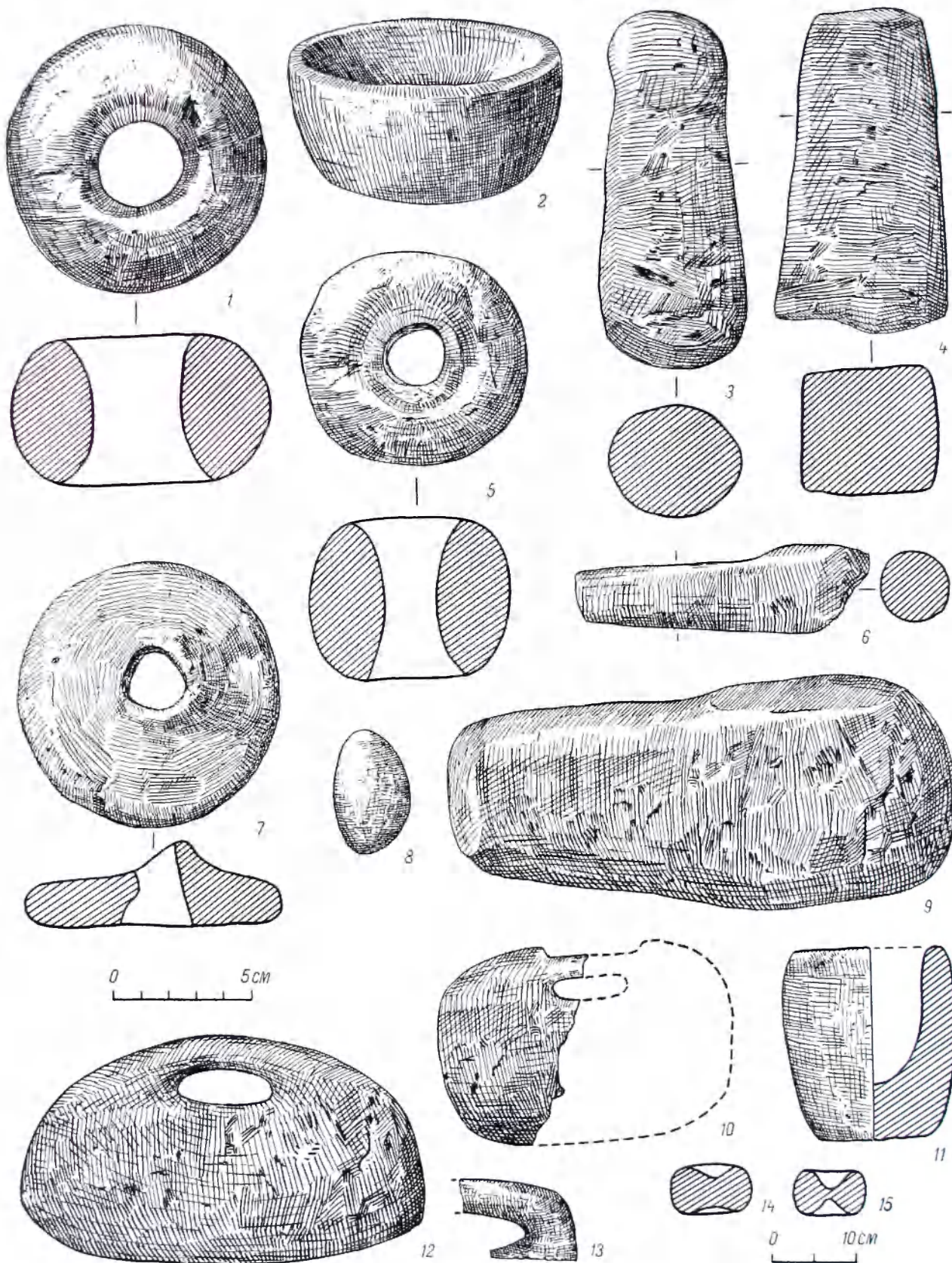


Табл. XI. Изделия из камня и глины.

1—6, 8—9 — каменные изделия с Кара-Деле, раскоп 1, слой Кара 2; 7 — терракотовое колесико с Кара-Деле, раскоп 1, слой Кара 3; 10—15 — каменные изделия с северного холма Анау, слой Анау 11.

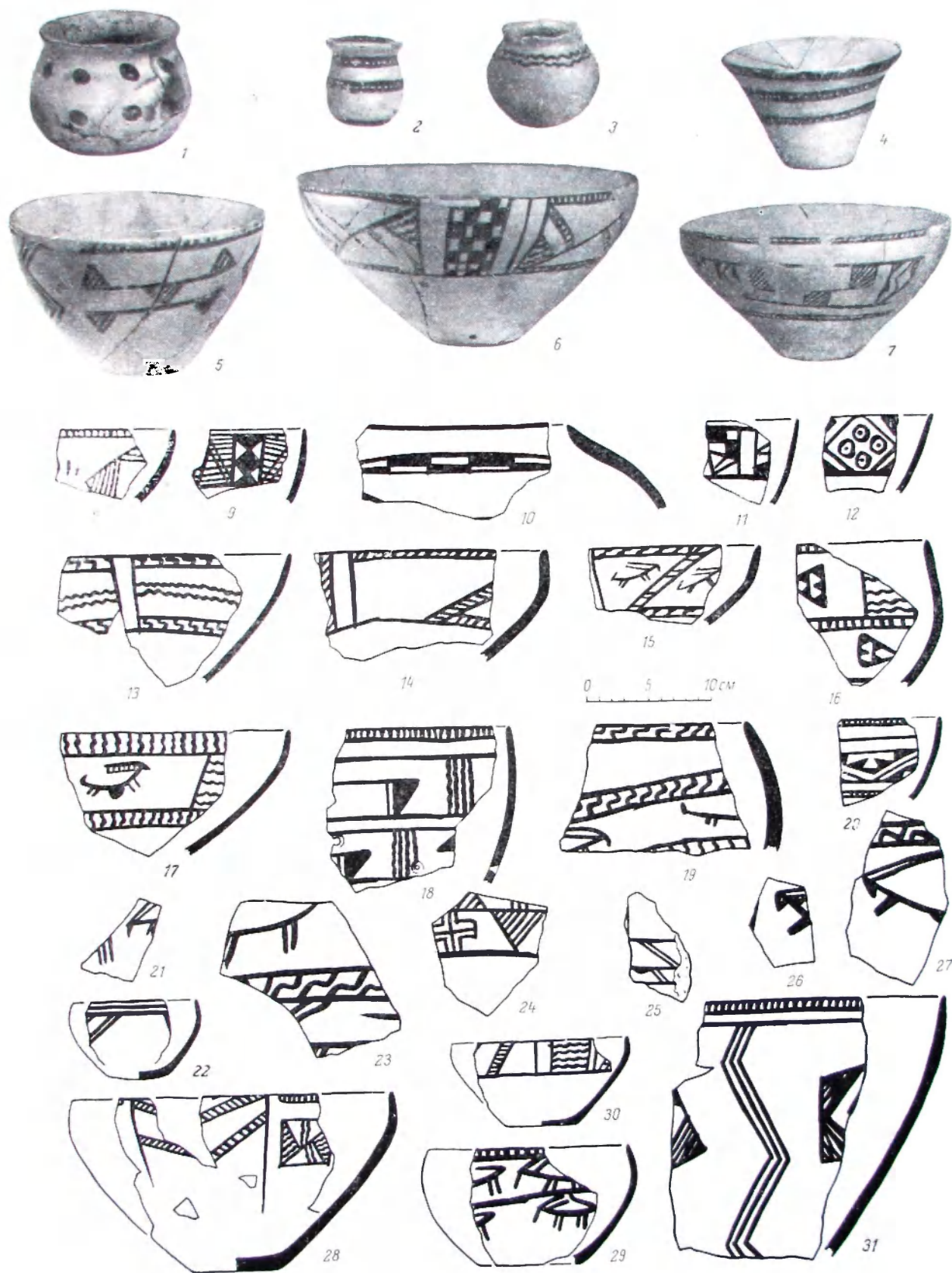


Табл. XII. Кара-Депе. Керамика из раскопа 1. Слои Кара 2 и Кара 3.

1 — сосуд с Кара-Депе, слой Кара 2, погребение 70; 2, 5 — сосуды с Кара-Депе, слой Кара 2; 3 — сосуд с Кара-Депе, слой Кара 3, погребение 90; 4 — сосуд с Кара-Депе, шурф раскопа 2, XVI ярус, погребение 14; 6 — сосуд с Кара-Депе, шурф 1, XIII ярус; 7 — сосуд с Кара-Депе, слой Кара 3; 8—31 — керамика с Кара-Депе, раскоп 1, слой Кара 2.

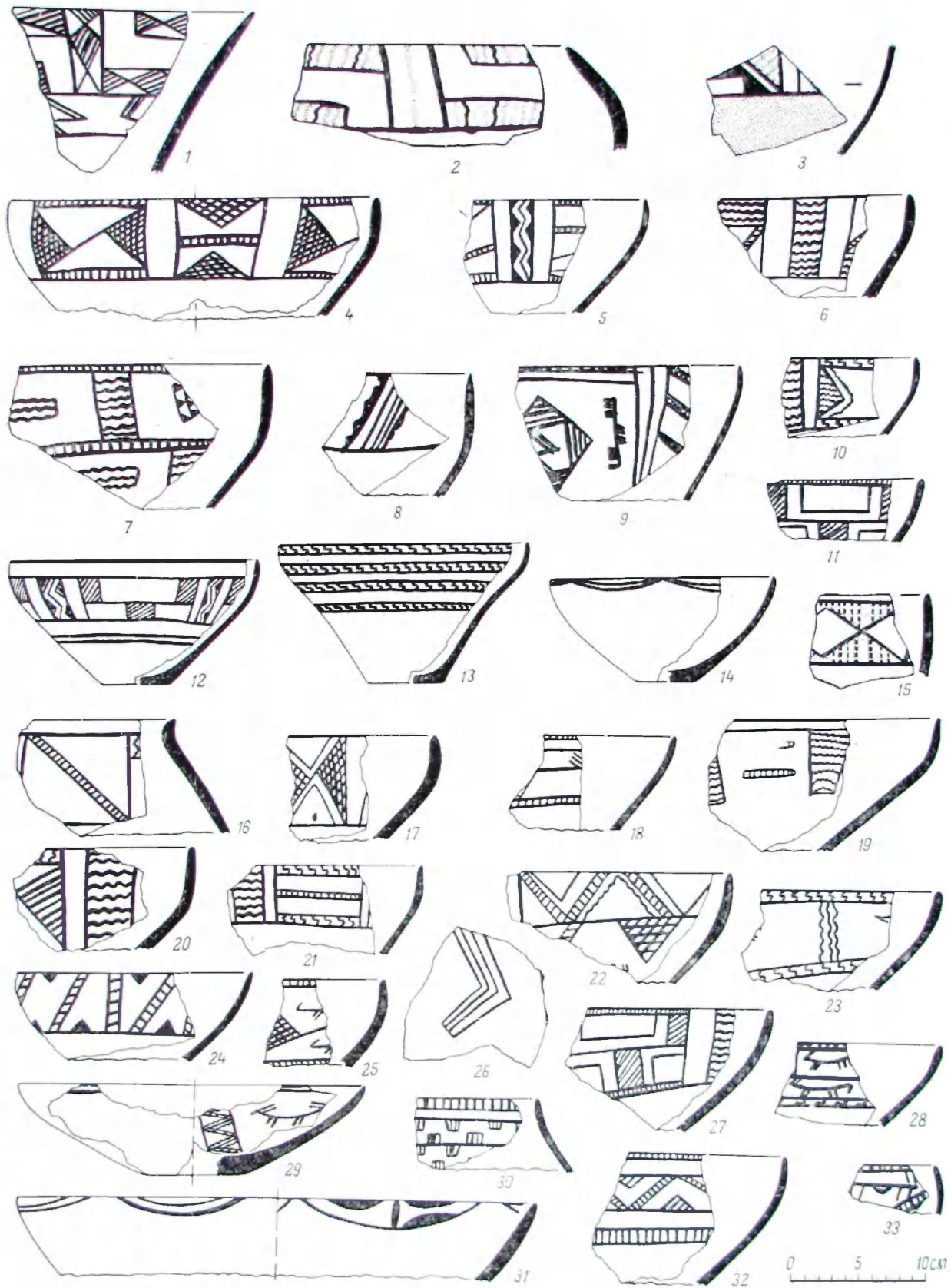


Табл. XIII. Кара-Депе. Керамика из раскопа 1.  
1—33 — керамика с Кара-Депе, раскоп 1, слой Кара 1.

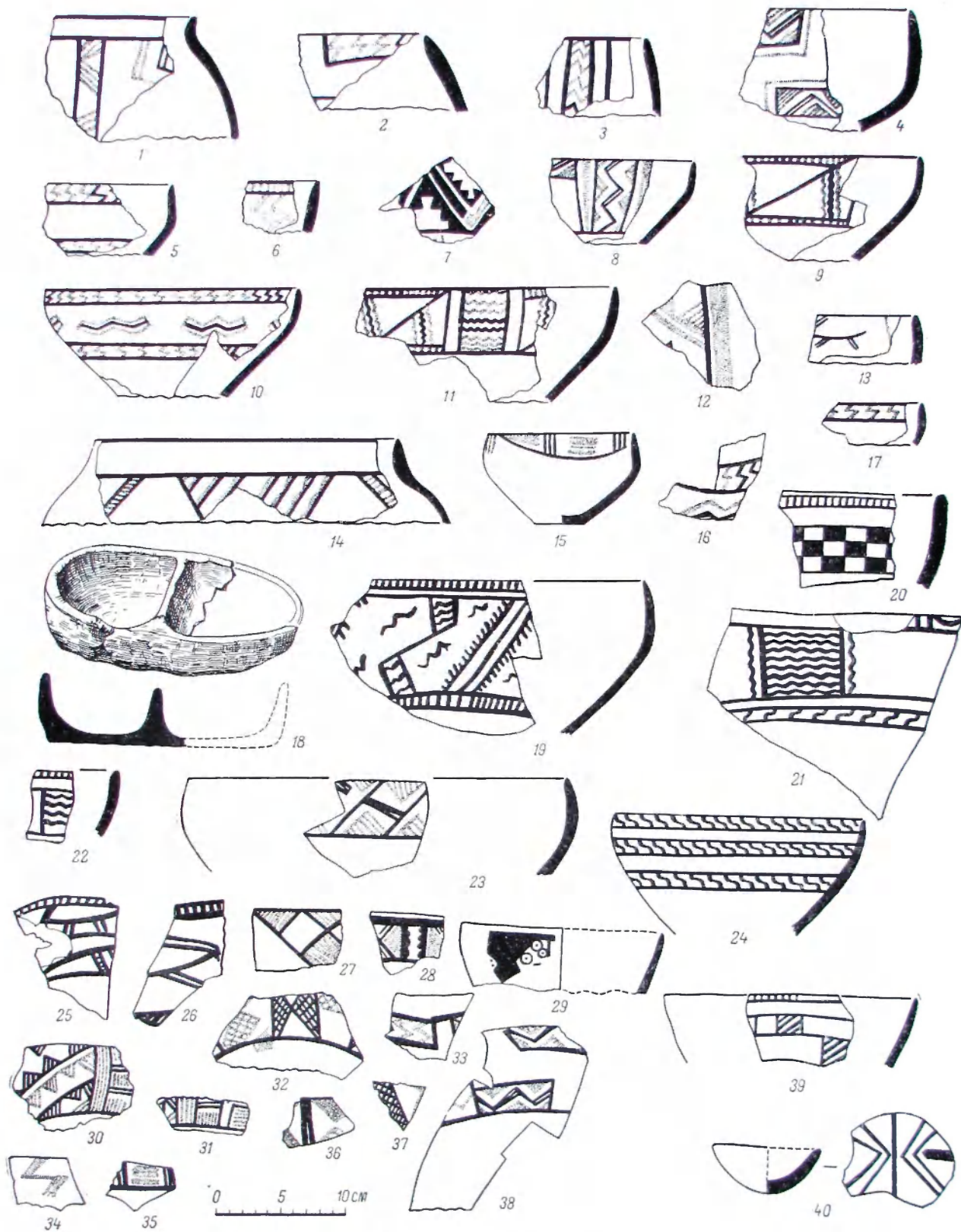


Табл. XIV. Кара-Депе. Керамика из раскопа 1 п шурфа 1.

1-18 — керамика с Кара-Депе, раскоп 1, слой Кара 3; 19, 25 — керамика с Кара-Депе, шурф 1, ярус X; 20, 21, 27 — керамика с Кара-Депе, шурф 1, ярус XI; 22, 24, 26 — керамика с Кара-Депе, шурф 1, ярус XII; 23 — керамика с Кара-Депе, шурф 1, ярус XIII; 28 — керамика с Намазга-Депе, шурф 5, ярус XVI; 29, 33 — керамика с Намазга-Депе, шурф 5, ярус XI; 30, 31, 38, 39, 40 — керамика с Намазга-Депе, шурф 5, ярус XII; 32, 34 — керамика с Намазга-Депе, шурф 5, ярус XIII; 35, 36, 37 — керамика с Намазга-Депе, шурф 5, ярус XIV.

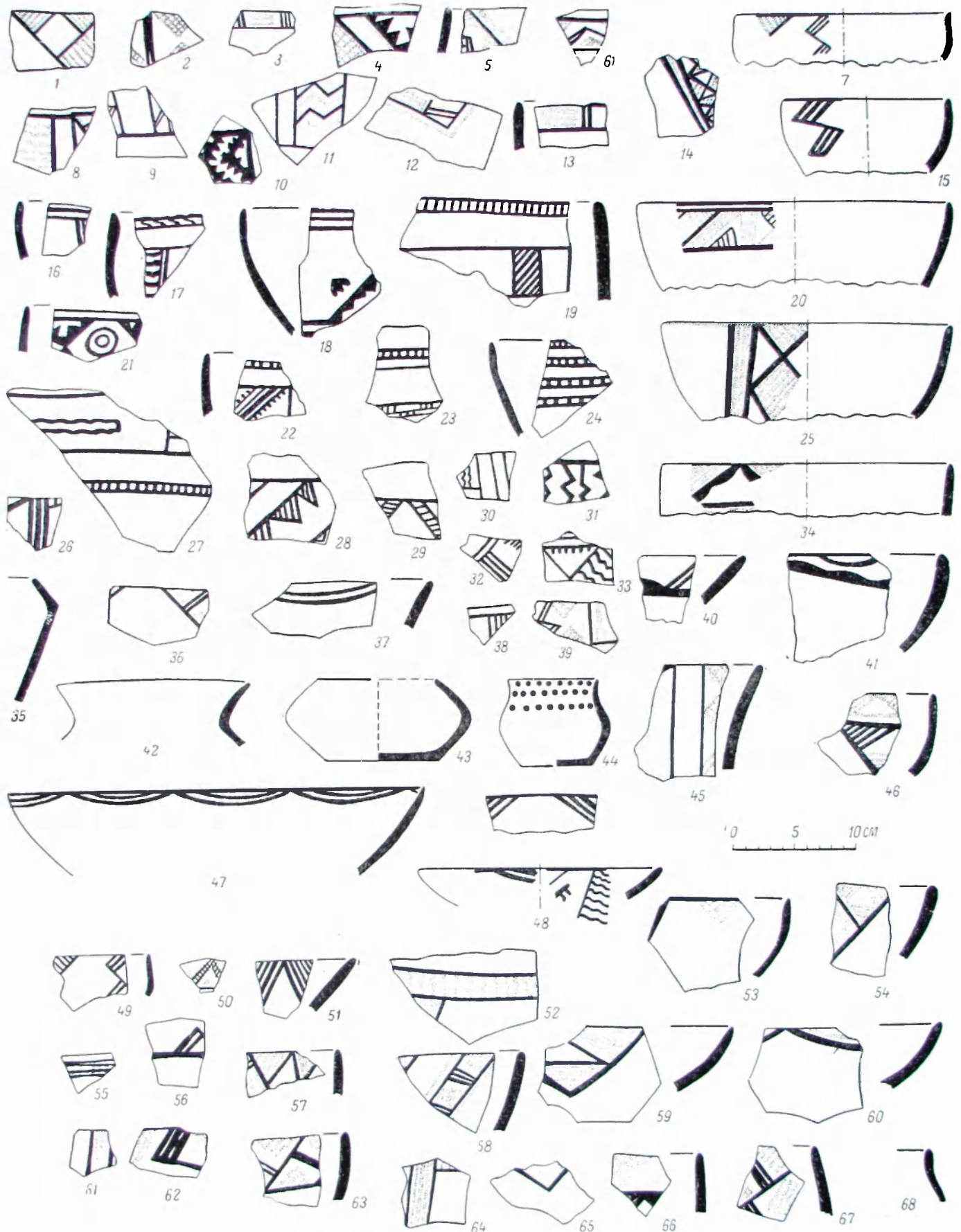


Табл. XV. Кара-Депе. Керамика из шурфа 1.

1—3, 14, 20, 42—44, 56, 61—63 — керамика с Кара-Депе, шурф 1, ярус XIV; 4—6, 8—13, 16—19, 21—24, 26—31, 33, 35, 38, 47, 48, 52 — керамика с Кара-Депе, шурф 1, ярус XII; 7, 15, 25, 34, 45, 46, 49—51, 53—55, 57—60, 64—68 — керамика с Кара-Депе, шурф 1, ярус XV; 32, 36, 37, 39—41 — керамика с Кара-Депе, шурф 1, ярус XIII.

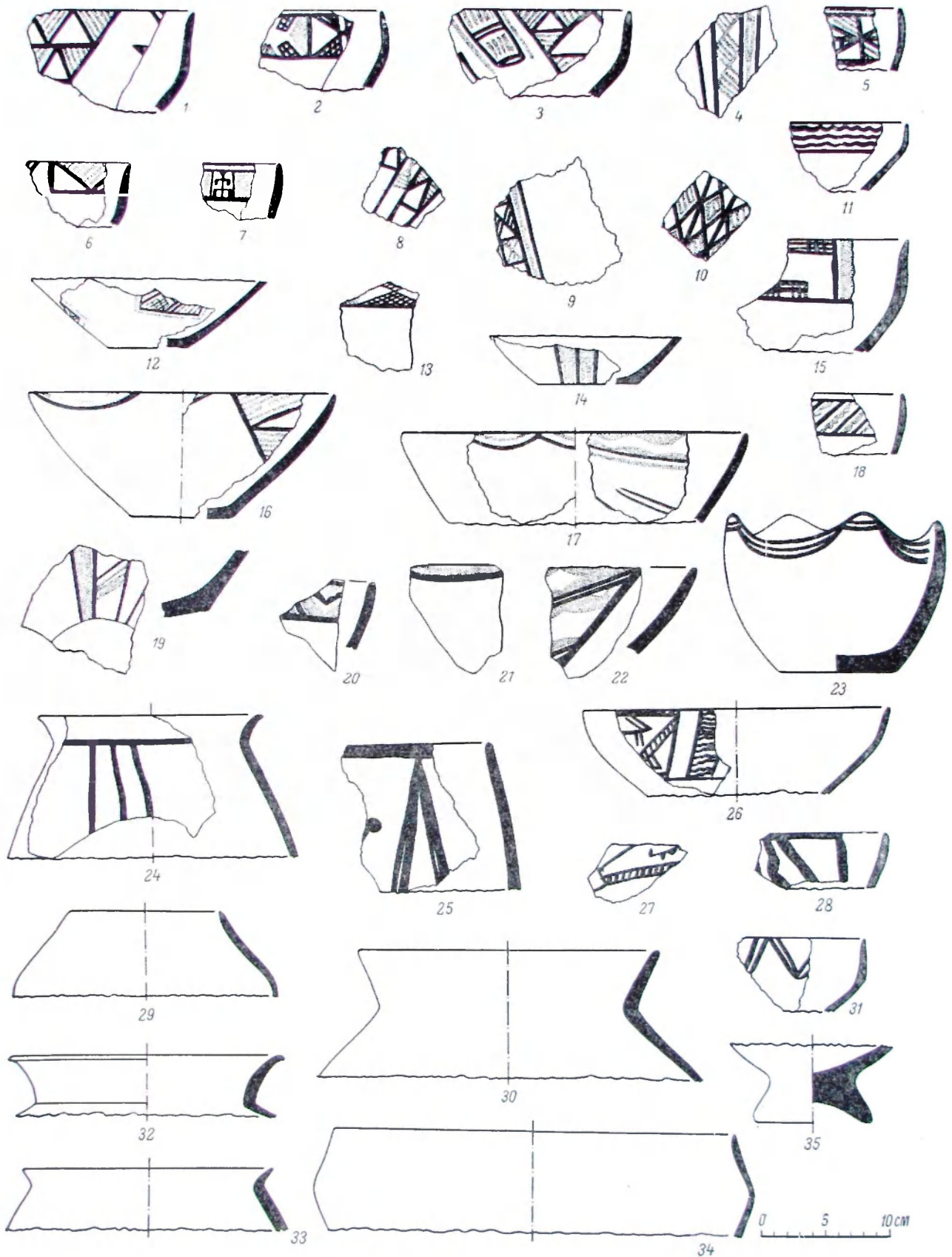


Табл. XVI. Кара-Депе. Керамика из раскопа 1.

1—19, 22—35 — керамика с Кара-Депе, раскоп 1, слой Кара 4; 20 — наружная роспись чаши из шурфа раскопа 2, ярус XIII; 21 — внутренняя роспись той же чаши.



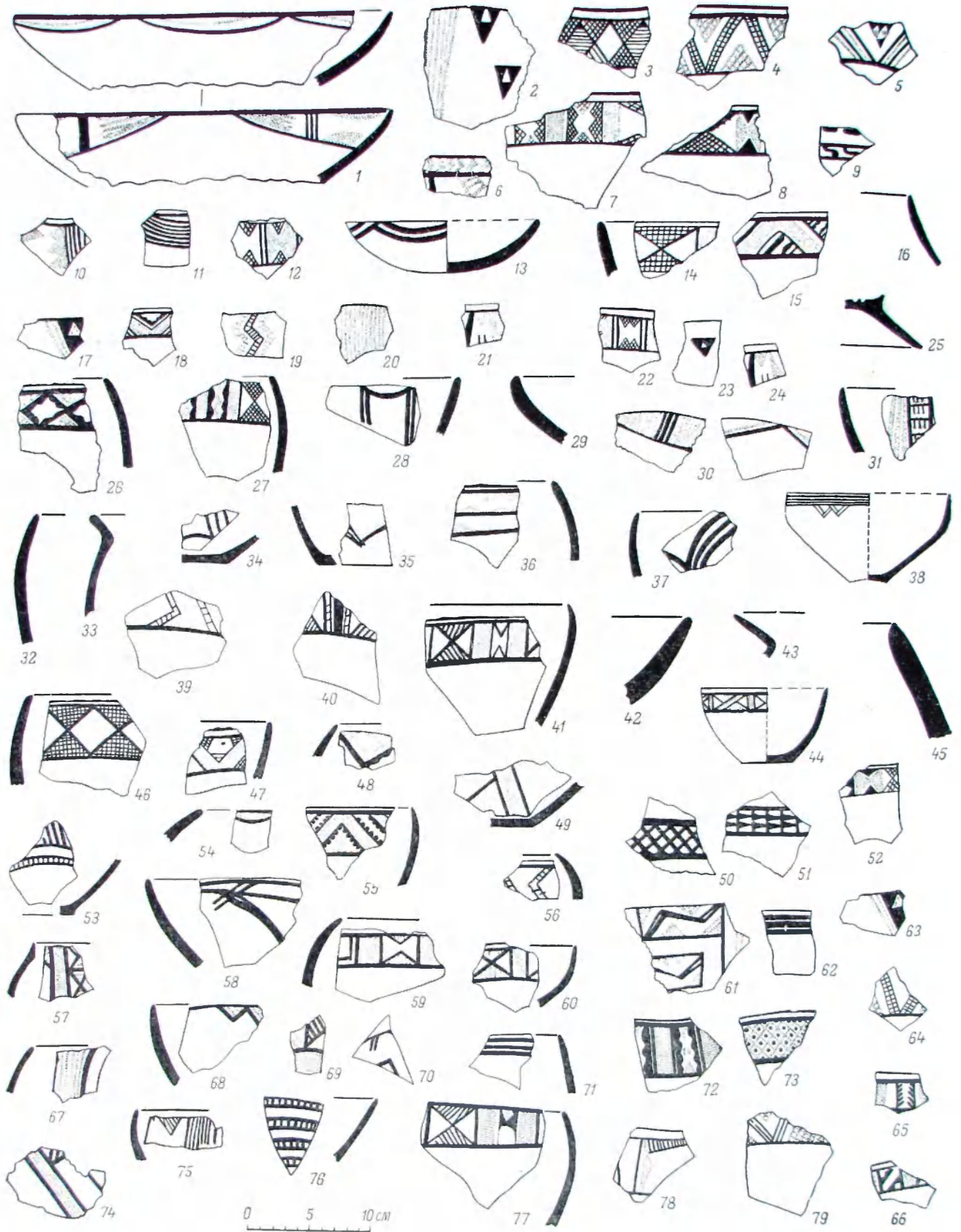


Табл. XVII. Намазга-Депе. Керамика из шурфа 1 и 5.

1 — керамика с Кара-Депе, шурф 1, ярус XV; 2, 5 — керамика с Намазга-Депе, шурф 5, ярус XVIII; 3, 78 — керамика с Намазга-Депе, шурф 5, ярус XIX; 4, 6, 10—12, 17, 19, 63, 64, 79 — керамика с Намазга-Депе, шурф 5, ярус XVIII—XIX; 7, 14, 15, 65, 66 — керамика с Намазга-Депе, шурф 5, ярус XV; 8, 18, 25, 21, 24, 73 — керамика с Намазга-Депе, шурф 5, ярус XVI; 9, 23, 45, 68—71, 74—76 — керамика с Намазга-Депе, шурф 1, ярус XVIII; 13, 22, 23 — керамика с Намазга-Депе, шурф 5, ярус XVII; 16, 32—34, 39, 40 — керамика с Намазга-Депе, шурф 1, ярус XX; 26—29, 35, 36 — керамика с Намазга-Депе, шурф 1, ярус XXI; 30, 75 — керамика с Намазга-Депе, шурф 5, ярус XIII; 31, 37, 41, 43, 41, 46—49, 53—60, 67, 77 — керамика с Намазга-Депе, шурф 1, ярус XIX; 38 — керамика с Намазга-Депе, шурф 1, ярус XIX в погребении; 42 — керамика с Намазга-Депе, шурф 1, ярус XVIII; 50 — керамика с Намазга-Депе, шурф 5, ярус XII; 51 — керамика с Намазга-Депе, шурф 5, ярус XII—XIV; 62 — керамика с Намазга-Депе, шурф 1, ярус XXV.



































	Ялангач - деге (Геоксюр-3)	Муллали - деге (Геоксюр-4)	Геоксюр-1 (слой 7)	Акча - деге
I муш	 1  2  3  4  5	 14  15  16	 20  21	 24  25  26  27
II муш				 28
III муш	 6  7  8  9  10  11	 17	 22	 29  30  31
IV муш	 12	 18	 23	 32  33
V муш	 13			 34
VI муш		 19		

Табл. XVIII. Керамика типа Намазга II в Геоксюрском оазисе.

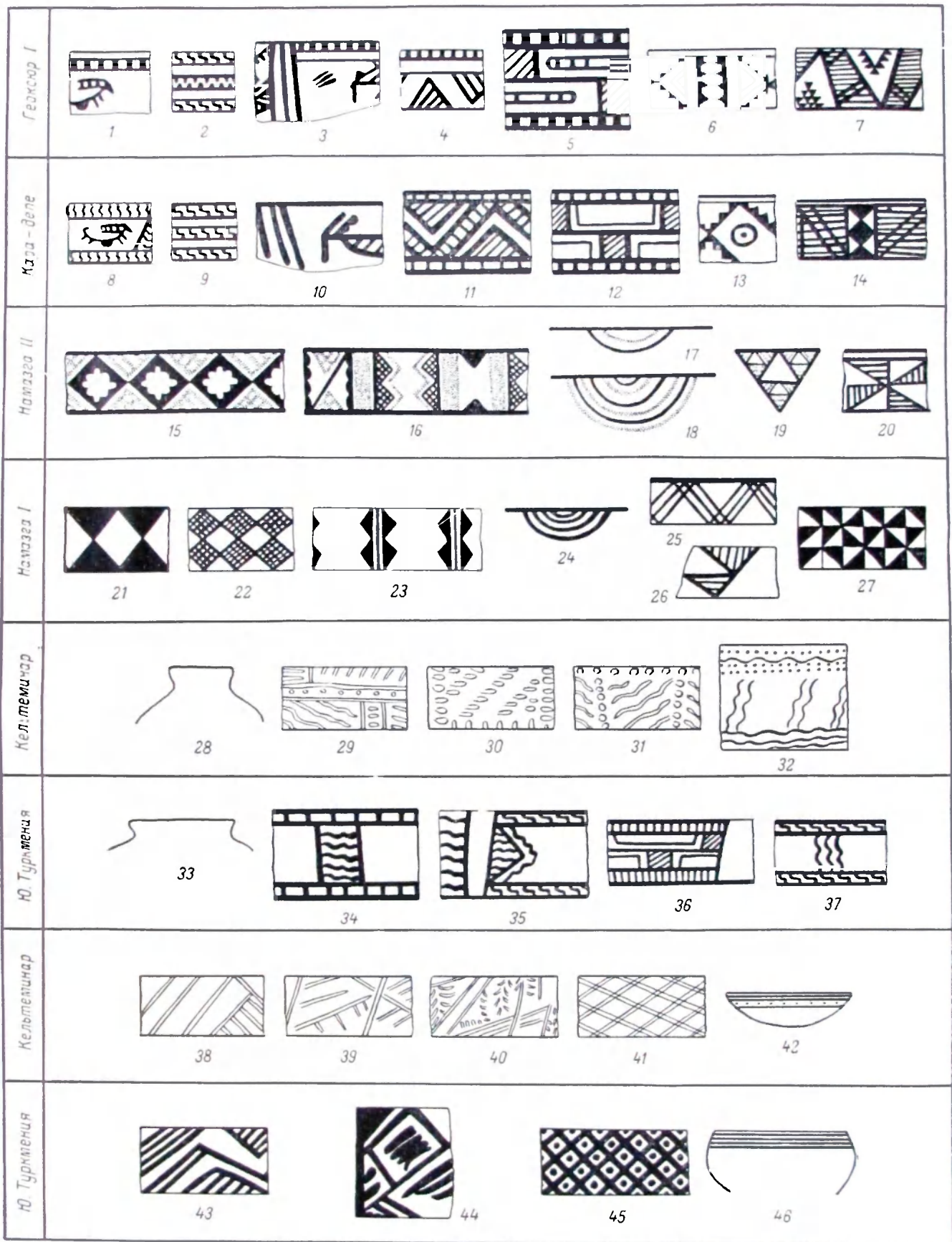


Табл. XIX. Керамика типа Намазга II и посуда других комплексов Средней Азии.

1-7 — керамика из верхнего слоя поселения Геокюр I (Сарианида, 1961, табл. IV, 17, 6, 7, 10, 1, 3, 18); 8, 10, 13, 14 — керамика с Кара-Деле, слой Кара 2; 9, 11, 12 — керамика с Кара-Деле, слой Кара 3; 15-20 — мотивы росписи на керамике раннего Намазга II; 21 — роспись на керамике времени Намазга I (Schmidt, 1908, илл. 82); 22 — то же (Хлопин, 1961, табл. III, 6); 23 — то же (Хлопин, 1961, табл. IV, 19); 24 — то же (Хлопин, 1961, табл. V, 7); 25 — то же (Хлопин, 1961, табл. I, 10); 26 — то же (В. Массон, 1961б, табл. III, 16); 27 — настенная роспись времени Намазга I из северного холма Анау (Ершов, 1956, рис. 5); 28-32, 33-37, 43-46 — керамика раннего кельтемпара (Виноградов, 1957, рис. 1 и 2); 33-37, 43-46 — керамика Ю. Турмения времени Намазга II.









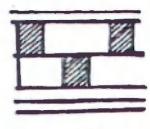
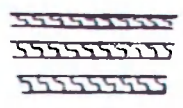
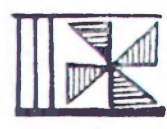

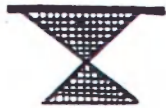



















Джоби						
Намазга II						
Сиапк II-III						
Намазга II						
Сиапк II	Элам		Ю. Туркмения			
						
						
						
						

Табл. XX. Керамика типа Намазга II и посуда иранских памятников.

1 — Le Breton, 1947, рис. 35, 5; 2 — Le Breton, 1947, рис. 36, 9; 3 — Le Breton, 1947, рис. 27, 2; 4 — Le Breton, 1947, рис. 37, 14; 5 — Le Breton, 1947, рис. 36, 15; 6 — Кара-Дене, слой Кара 3; 7 — Намазга-Дене; 8 — северный холм Анау; 9 — Кара-Дене, слой Кара 3; 10 — Кара-Дене, слой Кара 3; 11 — северный холм Анау; 12 — Сиапк III, 1 (Ghirshman, 1938, табл. LXXVI, D, 8); 13 — Сиапк II (Ghirshman, 1938, табл. LI, B, 1); 14 — Сиапк III, 7 (Ghirshman, 1938, табл. LXXII, стр. 150); 15 — Сиапк III, 7 (Ghirshman, 1938, табл. LXXXI, C, 11); 16 — Сиапк III, 7 (Ghirshman, 1938, табл. LXXXII, D, 10); 17 — поселение Геокюр 1, верхний слой; 18 — Намазга-Дене; 19 — Кара-Дене, слой Кара 3; 20 — Кара-Дене, слой Кара 4; 21 — Ghirshman, 1936, табл. XLVIII, D, 11; 22 — Ghirshman, 1936, табл. L, A, 2; 23 — Ghirshman, 1938, табл. XLIX, D, 1; 24 — Ghirshman, 1938, табл. XLVIII, D, 12; 25 — Le Breton, 1947, рис. 40, 14; 26 — Le Breton, 1947, рис. 29, 2; 27 — Le Breton, 1947, рис. 40, 3; 28 — Le Breton, 1947, рис. 40, 8; 29 — поселение Геокюр 1, слой 6; 30 — Кара-Дене, слой Кара 2; 31 — Кара-Дене, слой Кара 2; 32 — Кара-Дене, слой Кара 2.

Цена 94 коп.